

Своя

март 2017

журнал
Никиты Михалкова

**КРУГОМ ИЗМЕНА,
И ТРУСОСТЬ,
И ОБМАН**

Февраль 1917-го:
Дом, объятый
пламенем

**От гимнов
к проклятиям**

Питирим Сорокин —
первый специалист
по революциям

**Владимир
Крупин:**

«Распутина будут
читать, пока жива
Россия...»

**Танцевать, теща!
Танцевать!**

70 лет назад
родился
Юрий Богатырев

***Р**АЗ РОССИЯ и русский народ превращены были в проходной двор, где лицо наше топталось каблуками интернационалистов всех стран, раз Россию стали растаскивать по кускам, раздирать на части, взрывать изнутри, грабить отовсюду, раз среди «распинающих» оказались и враги, и вчерашние друзья, раз бывшие окраины стали смотреть на русский народ сверху вниз, раз все его покинули, все изменили, все обманули, раз теперь ей грозит участь колонии — все разгромлено, разорено, и за все «битые горшки» должен платить тот же русский «Иванушка-дурачок», — раз Россия при благосклонном участии бывших союзников начинает продаваться «оптом и в розницу», превращается «из субъекта в объект», то должно было наступить одно из двух: или гибель, или резкая реакция защиты.*

Питирим Сорокин (1889–1968)

ЖУРНАЛ ДЛЯ ПРОСВЕЩЕННОГО КОНСЕРВАТОРА ОТ НИКИТЫ МИХАЛКОВА

2	Слово издателя
Не обошлось	29–31	Великие реалисты
Пигмалион и его Мариучча
Краски Кипренского действуют,
как рейнвейн
3–7	Ретроспектива
Кругом измена, и трусость, и обман	32–35	На семи холмах
Судьбы таинственная нить
Что составляло в старину
«дамское счастье»
8–11	Дом Романовых
В последний путь
Трагедия державы, могилевская глава	36–39	Русский след
Говорит и показывает Сенкевич
Мы не знаем свою страну, полагал он
12–15	Философ о философе
От гимнов к проклятиям	40–43	Стоп-кадр
Танцевать, теща! Танцевать!
16–19	Служу России
Своим — всё, врагам — по закону
О духовно-историческом единстве
русских монархов и героев-комсомольцев	44–47	Забавы молодецкие
В созвездии Стрельца
«Я весь дрожу, едва завизжу я
боксерский ринг с его канатами...»
20–23	Культурная эволюция
В объятиях честного крокодила
Бытие и сознание по Чуковскому	48	Трапезная
Испеки мне колобок
24–28	Родное слово
Владимир Крупин:
«Распутина будут читать,
пока жива Россия. А она вечна»		

Главный редактор Алексей Зверев, **шеф-редактор** Наталья Семина, **ответственный секретарь** Сергей Громов

Отдел рекламы: +7 (499) 418-0499 доб. 44-32

Отдел распространения: +7 (495) 685-4925, +7 (495) 602-5512

Редакция: +7 (499) 418-0499, +7 (495) 685-0633, +7 (495) 622-7222

«СВОЙ» журнал Никиты Михалкова. Приложение к газете «Культура». Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор) Свидетельство ПИ № ФС77-57665 от 18 апреля 2014 г.

Адрес редакции: 127055, Новослободская ул., 73, стр. 1

Отпечатано в типографии ООО «Первый полиграфический комбинат». **Номер заказа:** 1925

Тираж 39 200

Подписано в печать 7 февраля 2017 г.

Не обошлось

Моя мама учила — и когда я был еще ребенком, и значительно позже: «Не спрашивай «за что?», спрашивай «зачем?»...» Порой добавляла: «Значит, так надо». Не стоит винить Бога, злодейку-судьбу, «неправильное общество», «плохой народ» в собственных бедах, проблемах, потерях. Постарайся взглянуть на невзгоды философски, рассмотреть в них, если получится, указующий знак, подсказку на будущее.

Эта мудрая мысль хорошо знакома и понятна православным людям. И даже воинствующие атеисты-материалисты, ведущие свое происхождение то от Гегеля, то от обезьяны, с ней согласны. «Все действительное разумно», — любят повторять они, очевидно, имея в виду, что очень многое в нашей жизни предопределено.

«Не спрашивай «за что?», спрашивай «зачем?» — формула, которую стоило бы спрогнозировать и на главные события столетней давности. Причины, приведших в феврале-марте 1917 года к гибели Российской империи, великое множество. К примеру, вспоминая о чудовищной расправе над Николаем II и его близкими в Екатеринбурге, можно с прискорбием, однако объективно заметить: де-юре и де-факто большевики убили не государя, не императорскую семью, но отрекшегося от престола гражданина Романова, его супругу, а вместе с ними удивительно красивых, абсолютно невинных чад, а также добрых и преданных домочадцев. Осознав данный факт, мы спокойнее к убийцам относиться не станем и тем более не поставим под сомнение справедливость канонизации жертв той бессудной, свирепой казни. Зато придем к определенному выводу относительно ключевых обстоятельств Февральской революции.

Персонаж моего фильма «Солнечный удар», аристократ-офицер, в одной из последних сцен картины, рассуждая о постигших страну напастях, говорит такие слова: «Все сами сделали, все своими руками сделали... Я что-то не видел? Мы — что-то не видели? Не понимали что-то? Я все видел, все понимал. Только ручками своими ни к чему прикасаться не хотел. А зачем? Пусть это кто-то другой... Пусть это как-то само... И успокоились: обойдется... А не обошлось».

Вот именно — не обошлось. И все же, перечисляя причины краха великой державы, мы в той или иной мере пытаемся ответить на вопрос «за что?». А надо бы понять: ЗАЧЕМ, ради чего? Отчасти ответ уже получен. Ни одна страна, ни один народ в мире не вынесли таких испытаний, какие выпали в XX веке на долю России и русских. Никто не явил миру такой стойкости, какую показали наши соотечественники.

И то, что Россия после невероятных потрясений сохранила себя как великую страну, прямо свидетельствует: она жива и будет жить именно потому, что своего главного слова до сих пор еще не сказала. Верю — обязательно скажет. Но случится это, только если мы услышим слова того самого аристократа-офицера из картины «Солнечный удар», если реально поймем, что только собственными усилиями можем достичь благополучия, мира и уважения к себе. Никто за нас этого не сделает. Мы не имеем права повторять ошибки, совершенные в XX столетии. Осознать это нужно всему народу — всем своим существом.

A stylized, handwritten signature in black ink, located at the bottom right of the page. The signature is fluid and cursive, with a large, sweeping flourish at the end.

Кругом измена, и трусость, и обман

Некогда в СССР получила широкую известность пропагандистская песня со словами «Есть у революции начало, нет у революции конца». При всей условности этой стихотворной метафоры она, если вдуматься, совершенно не соответствует ключевым российским событиям февраля-марта 1917 года. Буржуазная, сугубо антимонархическая революция бесславно завершилась уже через полгода с небольшим — октябрьским переворотом. Что же касается определения ее фактического, а не номинального начала, вехи, после которой разрушительные процессы в империи стали необратимыми, то споры на сей счет ведутся и поныне, спустя столетие. Коммунистическая историография трактовала Февраль семнадцатого исключительно со своих идейных позиций, постсоветская — с других, в чем-то противоположных, но отнюдь не державно-патриотических.

КРУПНЕЙШИЙ специалист в области отечественной истории XIX — начала XX века, **доктор наук Юлия КУДРИНА** предлагает взглянуть на смутное время глазами высшей российской знати того периода, прежде всего представителей Дома Романовых. Трагическая участь многих из них тогда уже была предрешена.

В 1910-м, выступая перед депутатами Государственной думы, Петр Столыпин сказал: «Если бы нашелся безумец, который в настоящее время одним взмахом пера осуществил бы политические свободы России, то завтра же в Петербурге заседал бы совет рабочих депутатов, который через полгода своего существования вверг бы Россию в «геенну огненную».

Слова выдающегося премьера, застреленного в Киеве годом позднее, оказались удивительно пророческими: к концу зимы 1917-го упомянутый им совет всю действовал...

26 февраля (все даты даны по старому стилю) царским указом приостанавливается работа российского парламента, в этом документе, в частности, говорится: «Занятия Государственной думы прервать... и назначить срок их возобновления не позднее апреля 1917 года в зависимости от чрезвычайных обстоятельств». На следующий день проходит Частное совещание думских депутатов. Из 19 выступающих только шестеро высказываются за передачу им всей полноты власти в стране. По настоянию кадетов был создан Временный комитет Государственной думы.

28 февраля в связи с волнениями и растущим забастовочным движением в Петрограде Николай II отдает приказ военному командованию «немедленно навести порядок». Войска начинают бунтовать,

среди солдат и офицерских корпусов открыто работают агитаторы, входящие в организации заговорщиков. Происходит захват правительственных зданий. В столице — подобие двоевластия, правят бал Временный комитет во главе с Михаилом Родзянко и Совет рабочих и солдатских депутатов под руководством Николая Чхеидзе и Александра Керенского. Фактически царит анархия. Родзянко требует вынуть из рамы портрет царя в главном зале Думы, его срывают солдатскими штыками.

А вот как ведут себя некоторые великие князья. Кирилл Владимирович 1 марта торжественно, с красным бантом на груди, прибывает в Таврический дворец, где собралась Госдума. Борис и Андрей Владимировичи, нарушив клятву,

присягают новому правительству. Николай Михайлович с воодушевлением встречает Февральскую революцию. Даже пишет статью под названием «Как все они его предали», где рассказывает о недостойном поведении приближенных к государю лиц, не желая при этом на себя оборотиться. Позже скандально известный Феликс Юсупов вспомнит велеречивые напутствия, которые давал ему последний: «Русский трон не наследственный и не выборный: он узурпаторский. Используй события, у тебя все козыри в руках. Россия не может без монарха. С другой стороны, династия Романовых дискредитирована, народ ее не хочет».

Только что отрехнувшийся от престола Николай II записывает в дневнике: «Утром пришел Рузский

ФОТО: ПАВЕЛ БАЛБААНОВ/РИА НОВОСТИ

КУКРЫНИКСЫ. ПЛАКАТ «ФЕВРАЛЬ 1917 ГОДА»

ДЕМОНСТРАЦИЯ НА ПЛОЩАДИ ПЕРЕД ЗИМНИМ ДВОРЦОМ В ПЕТРОГРАДЕ

и прочел свой длинейший разговор по аппарату с Родзянко. По его словам, положение в Петрограде таково, что теперь министерство из Думы будто бессильно что-либо сделать, так как с ним борется социал-демократическая партия в лице рабочего комитета. Нужно мое отречение. Рузский передал разговор в Ставку, а Алексеев — всем главнокомандующим. В 2 1/2 часа пришли ответы от всех. Суть та, что во имя спасения России и удержания армии на фронте в спокойствии нужно решиться на этот шаг. Я согласился. Из Ставки прислали проект манифеста. Вечером из Петрограда прибыли Гучков и Шульгин, с которыми я переговорил и передал им подписанный и переделанный манифест. В час ночи уехал из Пскова с тяжелым чувством пережитого. Кругом измена, и трусость, и обман».

3 марта представители новой власти, в том числе Георгий Львов и Родзянко, встречаются с великим

князем Михаилом Александровичем, и тот подписывает собственный акт отречения от престола. Ибо не верит, что при сложившихся обстоятельствах можно опереться на поддержку армии и народа. Важно учесть: с точки зрения действовавших еще накануне законов передача самодержцем власти брату (с отказом за наследника) заведомо неправомерна. Более того, никто из членов династии ни по уму, ни по личному опыту, ни по моральным качествам государю не ровня. Однако об этом речь уже не идет.

Запись от 3 марта в дневнике вдовствующей императрицы Марии Федоровны сообщает: «Спала плохо. Находилась в сильном душевном волнении... Я в полном отчаянии! Подумать только, стоило жить, чтобы когда-нибудь пережить такой кошмар!» «4 марта. Суббота... В 12 часов прибыла в Ставку, в Могилев, была страшная стужа и ураган. Дорогой Ники встретил меня на станции. Горестное сви-

дание! Мы отправились вместе в его дом, где был накрыт обед вместе со всеми... После обеда бедный Ники рассказал обо всех трагических событиях, случившихся за два дня. Сначала пришла телеграмма от Родзянко, в которой говорилось, что он должен взять ситуацию с Думой в свои руки, чтобы поддержать порядок и остановить революцию, затем — чтобы спасти страну — предложил образовать новое правительство и Ники (невероятно!) — отречься от престола в пользу своего сына. Но Ники, естественно, не мог расстаться с сыном и передал трон Мише! Все генералы телеграфировали ему и советовали то же самое, и он, наконец, сдался и подписал манифест. Ники был неслыханно спокоен и величественен в этом ужасно униженном положении. Меня как будто оглушили. Я ничего не могу понять! Горестное свидание! Бедняга Ники открыл мне свое кровоточащее сердце, и мы оба плакали...»

Неизвестный художник.
«Заседание Временного комитета Государственной думы 28 февраля 1917 года»

Рассказ Марии Федоровны о тех днях отчасти дополняют строки из книги генерала Николая Тихменева, изданной в 1920-е за границей: «...В Ставку приехала из Киева вдовствующая императрица, осталась в своем вагоне на станции и пробыла там все время до отъезда государя. Со времени ее приезда государь большей частью обедал и завтракал у нее. Чтобы попасть из дворца, то есть из губернаторского дома, стоявшего на самом берегу Днепра, на вокзал, надо было проехать свыше двух верст, причем большую часть этого пути приходилось делать по главной прямой и широкой улице города. Государь ездил на станцию в закрытом автомобиле. При встречах с быстро едущим автомобилем многие не успевали узнать государя. Из тех, которые узнавали, некоторые — военные и штатские — приветствовали его или на ходу снимали шляпы и отдавали честь, или останавливаясь... Были и такие, которые узнавали, не отворачивались, но и не кланялись. Но зато были и такие, которые останавливались, становились на колени и кланялись в землю. Много нужно было иметь в то время душевного благородства и гражданского мужества, чтобы сде-

лать такой поклон. Однако такие люди нашлись».

Как явствует из воспоминаний сестры Николая II Ольги Александровны, Марию Федоровну, вернувшуюся в Киев, трудно узнать: «Я никогда не видела мать в таком состоянии. Сначала она сидела молча, затем начинала ходить туда-сюда, и я видела, что она больше выведена из себя, нежели несчастна. Казалось, она не понимала, что случилось, но винила во всем Алиx».

В письме от 13 марта сестре Ксении та же великая княгиня признается, что «пережитое не поддается описанию»: «Несчастная М^{ма} не может осознать всего, ее позиция в жизни состоит в том, чтобы жить понемногу, потихоньку. Мы постоянно обсуждаем ситуацию, сначала все приводит ее в состояние неистовства и ярости, потом она постепенно немного успокаивается, приходит в себя и смиряется со всем. Если бы только можно было не опасаться за судьбу Н^{ики} и детей... Я бы не беспокоилась, будь они на английской территории, а ты? К нашему двоюродному брату я чувствую неприязнь. Все его письма напечатаны». (Вероятно, имеются в виду эпистолы Николая Михайловича, в которых он выступил с резкой кри-

тикой императрицы Александры Федоровны и ее супруга).

В написанном 14 марта послании управляющего Русского музея, великого князя Георгия Михайловича Ксении Александровне звучат схожие нотки:

«Ты не можешь представить, насколько больно читать этот помой, который выливается во всех газетах на бывшего императора... Но, к ужасу моему, я прочитал отвратительную статью моего старшего брата (все того же Николая Михайловича), то есть с его слов написанная корреспонденция, а затем «интервью» Кирилла и, наконец, третьего дня Павла. Боже мой, какая гадость, это низко и недостойно, это месть, но кому они мстят? — Лежачему. Они его теперь не боятся и мстят. Мы можем говорить между собой о чем нам угодно, но выносить грязь на улицу и поносить несчастного человека — это низко. Даже на словах эти выходки великих князей произвели скверное впечатление. Конечно, я и до сих пор в ярости против Аликс и так останусь на всю жизнь; она его погубила, в этом нет никакого сомнения...»

Нелишне привести и фрагменты письма Марии Федоровны греческой королеве Ольге Константиновне от 18 марта 1917 года: «Сердце переполнено горем и отчаянием. Представь, какие ужасные, не поддающиеся никакому описанию времена нам еще предстоит пережить. Я не пойму, как я жива после того, как обошлись с моим бедным, любимым сыном. Я благодарю Бога, что была у него в эти ужасные 5 дней в Могилеве, когда он был так одинок и покинут всеми... слишком сильные испытания посылает нам Господь, и мы должны нести их с достоинством, без ропота. Но так нелегко терпеть, когда вокруг такая людская злоба и ярость. Какие унижения и какое равнодушие пережил мой несчастный Ники, я не могу тебе передать. Если бы я не видела это своими глазами, я бы никогда

Солдат срывает императорских орлов.
Петроград, февраль 1917 года

ФОТО: РИА НОВОСТИ

этому не поверила. Он был как настоящий мученик, склонившийся перед неотвратимым с огромным достоинством и неслыханным спокойствием. Только однажды, когда мы были одни, он не выдержал, и я одна только знаю, как он страдал и какое отчаяние было в его душе! Он ведь принес жертву во имя спасения своей страны после того, как командующие генералы телеграфировали ему и просили об этом. Все они были одного мнения. Это единственное, что он мог сделать, и он сделал это!..

Можно ли было представить, что все это произойдет здесь, в России, и что народ так быстро и с такой радостью изменит свои чувства... Правда, есть много свидетельств выражения любви и трогательных верных чувств, которые так смягчают сердце. Я убеждена, что большая их часть думает в основном так же, но страх за свою шкуру делает их невменяемыми. Как-то раз я разговаривала с одним из моих дорогих старых казаков, он говорил так трогательно и красиво, что я чуть не расплакалась. Был при нас в течение 35 лет. Теперь все казаки уволены, и я не знаю, что с ними будет. Они еще пока здесь, и я здесь, но что дальше?.. Эти 14 дней прошли

относительно спокойно. Народ очень благожелателен и приветлив. Как всегда, меня приветствует на улице. Однако можешь себе представить, что памятник Столыпину снят. Все нелепо и непонятно, что означает. Как будто забыли, что идет война, и все делают, чтобы помочь немцам. Началось брожение в армии. Солдаты убивают офицеров и не хотят больше сражаться. Для России все будет кончено, все будет в прошлом...»

4 мая вдовствующая императрица пишет из Ай-Тодора брату, датскому принцу Вальдемару: «Я, конечно, давно предчувствовала, что это случится, о чем несколько раз уже писала, но именно такую ужасную катастрофу предвидеть было нельзя! Как, оказывается, уже в прошлом году были возбуждены умы. Как долго играли с огнем, действуя наперекор здравому смыслу, закрывая глаза и уши, чтобы не видеть и не слышать, и тем самым сами способствовали революции...»

Нетрудно понять, что именно такие чрезвычайно эмоциональные и, увы, сильно запоздалые, бесполезные на тот момент откровения-прозрения показывают суть и основные причины произошедших ровно сто лет назад катаклизмов. Уже в новейшие времена один известный политик, причем левого толка, заявил, что Россия свой лимит на революции исчерпала. Дай Бог, чтобы это было так. Хотя в том-то и беда, и главный урок потомкам: до 1917 года политики, а равно власти предрекающие Российской империи в абсолютном большинстве своем думали почти аналогично.

В. Сварог. «Ведут переодетых полицейских». 1917

Дом Романовых

В последний путь

Юрий Глушаков, Минск — Могилев

Известие о начале Февральской революции застало последнего русского монарха в Могилеве, в коем располагалась Ставка Верховного главнокомандующего. Сегодня в этом чистом и уютном белорусском городе всем желающим показывают места, связанные с пребыванием царской семьи.

Споры у парадного портрета

Ведущий сотрудник Могилевского областного краеведческого музея Марина Тарасова рассказывает:

— Дом губернатора, в котором проживал Николай II, в числе многих других зданий был разрушен во время Великой Отечественной войны и до сих пор не восстановлен. Сегодня на его месте стоит памятник борцам за советскую власть. А вот здание бывшего окружного суда, где располагались дежурный генерал императорской Ставки и другие службы, сохранилось. Сейчас в нем работает наш музей. Иногда можно услышать и прочитать о том, что в 1915–1916 годах Могилев фактически являлся военной столицей Российской империи, ведь именно здесь находились государь и наследник. В 1916-м Николай II провел тут около 10 месяцев, лишь иногда выезжая в Царское Село. Наш краеведческий музей посещает большое количество россиян, весьма охотно отдыхающих сегодня в Белоруссии. Многие из российских туристов желают постоять именно там, где император в последний раз прощался с офицера-

ми Ставки и конвоем. Однако стать «на место царя» никак не получится — его давно сменила экспозиция природы. Рядом с губернаторским домом находился городской театр, монарх любил смотреть в нем кинофильмы. Теперь это Могилевский областной драмтеатр, где вам могут показать отреставрированную царскую ложу. Одним из любимых мест самодержца в нашем городе была церковь его покровителя, Святого Николая. Она и ныне стоит на Подниколье, в бывшем Покровском посаде.

Прежний Могилевский музей, по словам Марины Тарасовой, почти полностью сгорел в 1941 году. Из подлинных вещей Ставки в современной экспозиции выставлены лишь три картины Ивана Дряпаченко, изображающие столовую и кабинет царя. Последние жители, видевшие императора и императрицу, скончались в прошлом десятилетии. По легенде, одна из женщин, служившая горничной у Александры Федоровны, долгое время хранила ее шаль. Другой могилевчанин будто бы еще отроком получил от государя золотую монетку и берег ее до конца своих дней. Ныне эта реликвия прикреплена к иконе страстотерпца Николая II в Свято-Никольской церкви.

В областном краеведческом музее также есть картина Алексея Марочкина, посвященная Романовым и тем далеким событиям. У этого триптиха часто разгораются жаркие споры между посетителями, порой едва не заканчивающиеся серьезными конфликтами.

Новый Верховный

Многие современники последнего российского монарха полагали, что взятие им ответственности за ведение далеко не всегда удачно складывавшейся войны сильно повредило его престижу. Сам же он говорил, что предшественник на посту главнокомандующего, великий князь Николай Николаевич, потерпев ряд поражений в 1915-м,

Николай II (в центре) среди военных представителей союзных держав. Могилев, 8 сентября 1916 года

ФОТО: ПЕТР ОЦУГРИЯ/НОВОСТИ

Приложение к № 18 Под Губ. Вѣд. 1917 г.

Цѣна 6 коп.

Высочайшій Манифестъ.

БОЖІЕЮ МИЛОСТІЮ

МЫ, НИКОЛАЙ ВТОРЫЙ,

ИМПЕРАТОРЪ И САМОДЕРЖЕЦЪ

ВСЕРОССІЙСКІЙ,

ЦАРЬ ПОЛЬСКІЙ, ВЕЛИКІЙ КНЯЗЬ ФИНЛЯНДСКІЙ,

И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ, И ПРОЧАЯ.

Объявляемъ всѣмъ вѣрнымъ. Нашимъ подданнымъ:

„Въ дни великой борьбы съ внѣшними врагами, стремившимся почти три года поработить нашу Родину, Господу Богу угодно было ниспослать Россіи новое тяжкое испытаніе. Начавшіеся народныя внутреннія волненія грозятъ безусловно отразиться на дальнѣйшемъ веденіи упорной войны.

Судьба Россіи, честь героической нашей Арміи, благо народа, все будущее дорогого нашего Отечества требуютъ доведенія войны до того, что бы ни стало до побѣднаго конца. Жестокій врагъ напрягаетъ послѣднія силы и уже близокъ часъ, когда доблестная Армія наша, совместно со славыми нашими союзниками, сможетъ окончательно сломить врага. Въ эти рѣшительные дни въ жизни Россіи почли мы долгомъ союбсти облегчить Народу нашему тѣсное единеніе и сплоченіе всѣхъ силъ народныхъ для скорѣйшаго достиженія побѣды и, въ согласіи съ Государственной Думою, признали мы за благо отречься отъ Престола Государства Россійскаго и сложить съ Себя Верховную Власть. Не желая разставаться съ любимымъ сыномъ нашимъ, Мы передаемъ наследіе наше брату нашему ВЕЛИКОМУ КНЯЗЮ МИХАИЛУ АЛЕКСАНДРОВИЧУ и благословляемъ Его на вступленіе на престолъ Государства Россійскаго. Заповѣдуемъ Брату нашему править дѣлами государственными въ полномъ и ненарушимомъ единеніи съ представителями народа въ законодательныхъ учрежденіяхъ на тѣхъ началахъ, кои будутъ ими установлены. Принесъ въ томъ ненарушиму присягу во имя горячо любимой Родины, признаемъ всѣхъ вѣрныхъ сыновъ Отечества къ исполненію своего святого долга передъ нимъ, повелѣваемъ Царю въ тяжелую минуту всенародныхъ испытанийъ и помочь Ему вслѣдствіи съ представителями народа нѣмѣсти Государство Россійское на путь побѣды, благоденствія и славы.

Да поможетъ Господь Ноги Россіи.

На подлинномъ Собственною Его Императорскаго Величества рукою написано:

НИКОЛАЙ.

Данъ въ мартѣ 18 числа 1917 г.
Городъ Москва.

Генералъ-Маіоръ Императорскаго Двора Генералъ-Ассистентъ Грѣкъ Фридрихъ.

плакал и просил «заменить его более способным человеком».

Могилев-на-Днепре представлял собой типичный губернский город с немалым числом чиновников и патриархального мещанства. Городской центр, где располагалось большинство казенных учреждений, образовывали Днепровский проспект и Губернаторская площадь. Короче говоря, все как везде: доходные дома в два-три этажа с немудреными кирпичными фасадами, православные церкви, вывески с «ятями»... От улиц великорусских губерний здешние отличались разве что еврейскими фамилиями, часто встречавшимися на вывесках, — как-никак черта оседлости. Плюс наличием костелов Успения и Святого Станислава — значительную часть помещиков составляли поляки-католики.

Царь прибыл в Могилев 23 августа 1915-го (здесь и далее по старому стилю). Первоначально Ставка находилась в знаменитом царском поезде, стоявшем в версте от города на специально построенной для него ветке. Затем Николай II переехал в губернаторский дом, где занимал две комнаты — кабинет и спальню. Престарелый министр двора граф Владимир Фредерикс тем не менее умудрился однажды заблудиться в маленьком коридорчике, забыл, какая из четырех комнат принадлежит ему, а какие — государю. Другие службы штаба, как сказано выше, разместились в здании окружного суда на той же Губернаторской площади. Офицеры заселили гостиницы «Метрополь» и «Бристоль», причем в последнем пребывали также военные миссии Англии и Франции.

Каждодневная деятельность императора в качестве Верховного главнокомандующего заключалась в основном в выслушивании в течение часа доклада от начальника штаба Михаила Алексея. Этот генерал фактически командовал армией, даже имел возможность отдавать экстренные распоряжения от имени царя, лишь позже сообщая ему об этом. Вместе с тем, во время нахождения здесь царицы Николай II не принимал ни одного важного решения без ее ведома.

За счет царской свиты штат Ставки значительно вырос. Вслед за блестящими офицерами из столицы потянулись артисты театров, переехала оперетта. Особенно пышные церемонии проходили в период визитов государыни. Монаршая семья давала роскошные балы и приемы, совершала автомобильные прогулки, речные круизы по Днепру. У Польковичского источника устраивались пикники. Императрица с дочерьми, будучи в Могилеве, жили в поезде. Царь любил пешие прогулки — выехав за город на автомобилях, мог идти назад едва ли не десять верст пешком. Иногда сам садился на весла. Вот только управление государственным кораблем давалось все труднее...

С присущей ему пунктуальностью проводил официальные завтраки и обеды. В царской столовой, откуда

В. ИВАНОВ. ПЛАКАТ «НАВСЕГДА!» ФЕВРАЛЬ 1917 г.

открывался вид на Днепр и заречные дали, соблюдался строгий протокол. К аперитивам, состоявшим обычно из рюмки водки и закуски, основной трапезе и курению приступали по приглашению самого главного. За столом собирались великие князья, чины Ставки и свиты, иностранцы и другие гости. При этом все они делились на постоянно приглашенных и временных. В числе первых был и могилевский губернатор.

В Ставке государь носил повседневную гимнастерку с полковничьими погонами и Георгиевским крестом. Кстати сказать, в Могилеве часто бывал и цесаревич Алексей, живший в одной комнате с отцом. Летом 1916 года мальчик командовал в могилевском парке своей ротой, составленной из местных гимназистов. Был весьма экспансивен, по воспоминаниям очевидцев, мог запросто надеть на голову великому князю Сергею Михайловичу арбуз.

Императорская чета регулярно посещала штабную церковь, устроенную в кафедральном соборе, другие храмы, а также Буйничский и Свято-Никольский монастыри. В штабной церкви хранилась икона Явления Божией Матери преподобному Сергию, ответственная за победу православного воинства. Периодически по настоянию Александры Федоровны

сюда привозили иные изображения святых. Протопресвитер военного и морского духовенства о. Георгий (Шавельский) относился к подобной активности с настороженностью, полагал, что слишком частое обращение к чудотворным иконам на фоне продолжающихся неудач на фронте может серьезно подорвать у солдат веру. Иногда в Ставку с образами приезжали лица вовсе сомнительные, стремившиеся любыми способами завоевать благорасположение императора, сделать карьеру.

По рассказам отца Георгия, однажды в Могилев прибыл с очередной «чудодейственной» иконой князь Николай Жевахов. Поводом для этого послужил сон некоего военного врача, утверждавшего, что явившийся к нему во сне святой Иоасаф изрек: только это изображение Божией Матери обеспечит победу над германцем. Однако Жевахов — товарищ обер-прокурора Синода и близкий к Григорию Распутину человек — был принят в Ставке холодно, аудиенции у государя не получил. Раздосадованный карьерист так спешил обратно, что в автомобиле сел прямо на икону.

Верхи не могут

Тем временем в стране все сильнее разгорался вызванный войной и нерешенными социальными проблемами кризис. В конце октября 1916-го в соседнем Гомеле вспыхнуло солдатское восстание. Инициаторами беспорядков выступили донские казаки, еще недавно, казалось бы, наиболее верная опора престола. Бунт спровоцировали офицерское рукоприкладство и действия полиции. Восставших уладили кадровая инородческая команда и ратники 487-й Московской пешей дружины. Зачинщики мятежа по приговору военного суда были расстреляны. Среди них — доброволец 11-го уланского Чугуевского полка Георгий Римский-Корсаков, родственник знаменитого композитора.

История с гомельским восстанием по-прежнему изобилует белыми пятнами. Советская историография приписала это выступление Полесскому комитету РСДРП (б), однако архивные документы участия большевиков в данных событиях не подтверждают.

В ноябре 1916 года в Государственной думе националист Владимир Пуришкевич произносит громовую речь, требуя покончить с распутинщиной и прочими темными силами. В Ставку к царю прибывает председатель совета министров Борис Штюрмер — по слухам, ставленник тех самых «темных сил». Согласно мемуарам протопресвитера о. Георгия,

О последних днях пребывания императора в Могилеве сохранились подробные записи в его дневнике. Они почти не касаются бурных событий, уже опрокидывающих трон. Николай скучает по сыну Алексею, оставшемуся с матерью

премьер, покидая царский кабинет, был так расстроен, что даже не дал шоферу, везшему на могилевский вокзал, обычные чаевые. Впоследствии выяснилось, что Штюрмер приезжал к государю с предложением заключить сепаратный мир с Германией. Несмотря на то, что возможность выхода России из войны уже давно зондировалась — через гессенских родственников Александры Федоровны, немецких банкиров и т.д., — император ответил отказом. И указом об отставке Штюрмера.

В декабре 1916-го произошло убийство Распутина. После получения известия о смерти старца Николай II выехал в Царское Село.

Самодержец вернется в Могилев только 23 февраля, практически одновременно с началом Февральской революции в Петрограде. Современники отмечали, что царь приехал сильно изменившимся, враз постаревшим.

Прощание с Могилевом

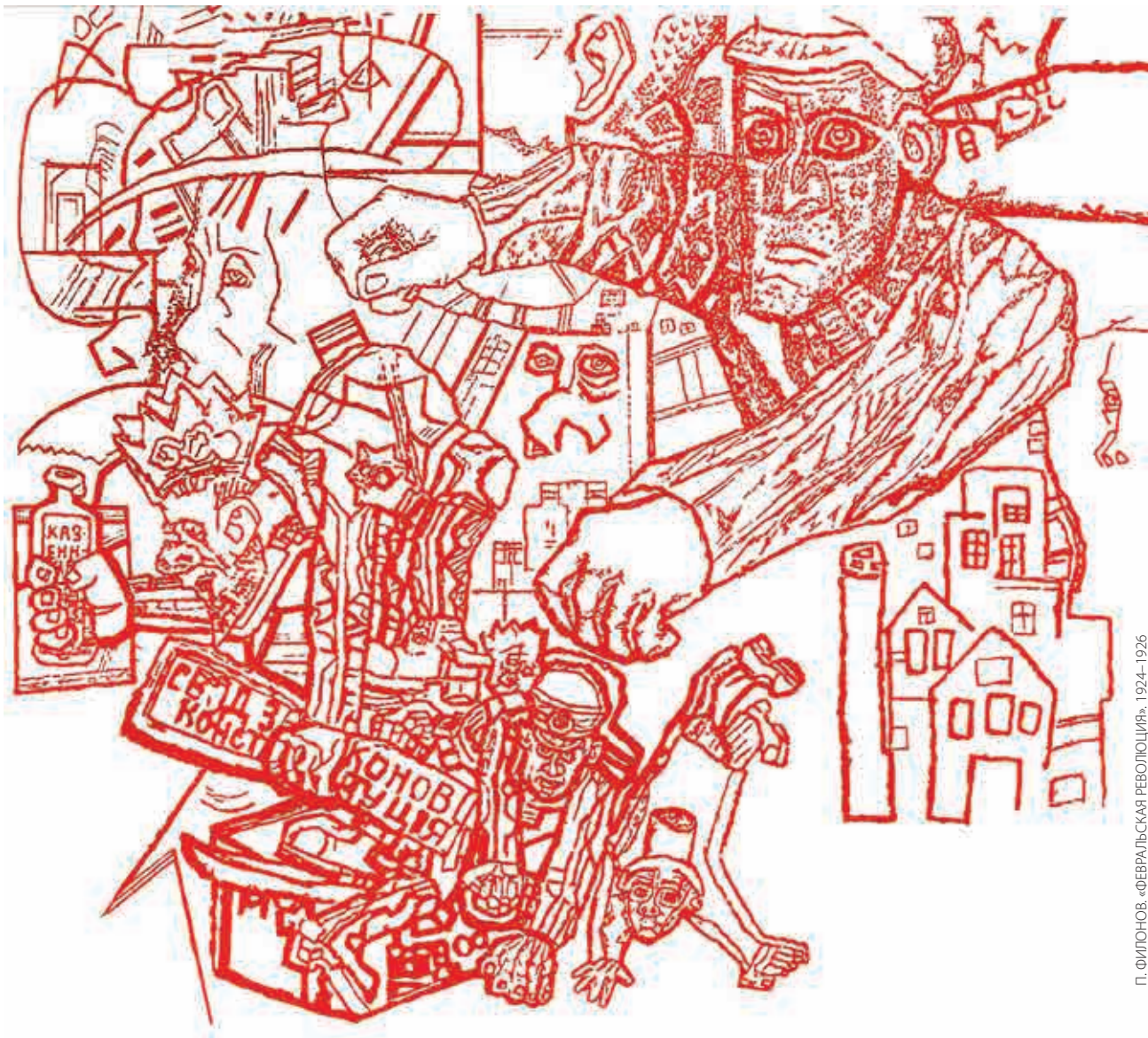
О последних днях пребывания императора в Могилеве сохранились подробные записи в его дневнике. Они почти не касаются бурных событий, уже опрокидывающих трон. Николай скучает по сыну Алексею, оставшемуся с матерью. Его он, по-видимому, любит больше всего на свете. Царь пунктуально фиксирует на бумаге, во сколько он встал, как пил чай, играл в домино, гулял по Оршанскому шоссе, а по Бобруйскому ездил к часовне.

Как бы там ни было, когда в Петрограде начались беспорядки, могилевская Ставка не смогла мобилизовать войска, способные их подавить.

28 февраля государь, вопреки мольбам генерала Алексеева не покидать Ставку, отбыл в Петроград. Возможно, останься он тогда в еще верном ему Могилеве, глядишь, и удалось бы улучшить и свое положение, и общегосударственную ситуацию. Проехать в столицу по железной дороге, уже находившейся в руках восставших рабочих, он так и не смог.

2 марта император всероссийский отрекся от престола за себя и своего малолетнего сына Алексея. После отречения вернулся в Ставку. Там все были подавлены случившимся, но прекрасно понимали, что изменить уже ничего невозможно.

8 марта Николай Романов и город Могилев расставались навсегда. С царем прощались чины Ставки и казаки конвоя, некоторые — с увлажнившимися глазами. По воспоминаниям очевидцев, население города бывшего царя не провожало. Лишь одна старушка прослезилась у вокзала.

П. ФИЛОНОВ. «ФЕВРАЛЬСКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ». 1924–1926

От гимнов к проклятиям

Ксения Ермишина

Его судьба похожа на роман, сочиненный мастером сложных сюжетов и неожиданных развязок. Появившийся на свет в маленькой деревне, затерянной на бескрайних пространствах Русского Севера, он в зрелые годы стал всемирно известным профессором Гарварда. Нищий бродяга, иконописец, христианский подвижник, проповедник революции, активный, далеко не рядовой участник событий 1917-го, узник царских и коммунистических тюрем, приговоренный однажды к расстрелу, представитель элиты американского общества, близкий знакомый президента Джона Кеннеди — каких только ролей не сыграл Пителир Сорокин в своей жизни.

ОН РАНО осиротел и вынужден был уже с 13 лет зарабатывать на хлеб насущный. Чаще всего — в компании с братом — находил занятие при церкви, где писал и реставрировал иконы, красил купола, делал медные оклады. Посещал классы церковно-приходских школ в разных деревнях. Жадный до чтения, отправлялся в очередное село, где брал у священников и школьных учителей книги, в основном религиозного содержания. Книжная премудрость порой оказывала на подростка такое влияние, что он уходил в лес для уединенной молитвы, а возвращаясь, читал поучения и проповеди.

Странствуя по земле Коми, юный Сорокин исследовал структуру деревенского общества, основные типы характеров, учился выживать в условиях сурового Севера, ценить свободу и красоту нетронутого цивилизацией края. Кроме русского владел языком коми-зырян — его мать была из семьи крестьян данной народности, в этой среде он жил до 14-летнего возраста. Впечатляющие успехи в учебе явились причиной того, что ему выделили стипендию на продолжение образования в учительской семинарии Костромского края.

Вскоре последовала первая русская революция и состоялось знакомство Сорокина с запрещенной литературой. Его христианское мировоззрение рухнуло, не выдержав испытания новой городской жизнью. Он стал проповедником свержения устоев, вступил в партию эсеров, на тот момент самую экстремистскую ор-

ганизацию Российской империи, устроившую серию терактов, совершившую громкие убийства многих людей, в том числе высших должностных лиц.

В 1906-м его впервые арестовали. Царская тюрьма в Кинешме оказалась довольно гуманным заведением. Товарищи несли книги, еду, табак, узники имели возможность общаться друг с другом, а на волю, подкупая охрану, передавали крамольные сочинения. Сорокин видел в этом проявление слабости государства: «Когда политический режим начинает рассыпаться, «вирус дезинтеграции» быстро распространяется всюду, заражая все институты власти».

В 1907-м Питирим решил оставить жизнь бродячего миссионера революции и поступить в Санкт-Петербургский университет. Денег на билет не было, поэтому в поезд он сел на свой страх и риск, а в пути прятался от контролеров на подножке вагона. Ехал «завоевывать Петербург», не подозревая, что в его судьбе это исполнится буквально. Через несколько лет он будет преподавать в лучших столичных университетах. После революции сначала станет секретарем Керенского, затем — избранным депутатом Учредительного собрания, которое разгонят большевики.

В его дневнике описаны впечатления от революционного Петрограда: люди выжили из ума за одну ночь, «в человеке просыпается не только зверь, но и дурак, готовый взять верх над всем и вся»; через месяц улицы были «загажены бумагой, грязью, экскрементами и шелухой семечек подсолнечника... разбитые пулями окна многих домов заклеены бумагой... солдаты и проститутки вызывающе занимаются непотребством».

Все прежние институты власти, включая полицию, были деморализованы и перестали выполнять непосредственные обязанности. Временное правительство издало приказ о возвращении из ссылок жертв политических репрессий. В итоге в столицу нагрянули в огромном количестве бывшие ссыльные и каторжане. Их встречали цветами и овациями, но в большинстве своем те являлись обычными грабителями и убийцами. Прибыли Ленин со товарищи в запломбированном вагоне, который немцы пропустили через свою территорию. Участились погромы и случаи мародерства. Бандиты всех сортов захватывали частные дома и винные лавки, крушили магазины, трамваи, поджигали полицейские участки и правительственные здания. Коммунальные службы и пожарные расчеты

не функционировали, пожары тушить было некому, никто не поддерживал городское хозяйство. В октябре большевики захватили власть, пользуясь всеобщим хаосом и безвластием. Сорокин попал в Петропавловскую крепость, где встретился с другими заключенными, арестованными еще Временным правительством. Теперь люди, входившие в состав последнего, и царские министры делили между собой скудную тюремную пайку.

Питирим Александрович избавлялся от прежних химер, связанных с революцией, его мировоззрение оказалось опять потрясено до основания. В дневнике рассказывал, что дела в стране шли все хуже: «Водоснабжение Петрограда было расстроено, и вода заражена тифом и другими возбудителями опасных болезней... Самым ценным подарком в 1919 году стали дрова на растопку... В сильные холода в размороженных домах полопались все трубы... Постепенно все худели и становились все более и более истощенными... проклятые хлебные очереди отнимали два или три часа нашего времени ежедневно... если не было принудительных общественных работ, дежурств, других очередей, больных или умерших друзей... я пытался... готовиться к лекциям в университете. Я сидел, закутавшись во все одеяла и платки, в перчатках, с ногами, обернутыми тряпками... Вот так мы и жили в «Российской Совершенно Фантастической Советской Республике», как мы называли РСФСР».

Когда ситуация сделалась критической, революционеры ради удержания власти взяли курс на НЭП. Понимая, что идут на рискованный компромисс с капитализмом, решили выслать из страны самых известных ученых, в их число попал и Питирим Сорокин.

В Европе он пробыл недолго. Переехал в США, где написал большинство своих трудов. Создал теорию социологии, в основу ко-

П. Сорокин с семьей. 1934

торой легли понятия социальной стратификации и мобильности, стал автором примерно полусотни книг и бесчисленных статей. Самая известная его работа — «Социальная и культурная динамика». В ней сделан далеко идущий вывод: социально-политические проблемы и потрясения впредь станут лишь нарастать, творческие силы Запада угасают, неизбежен кризис, который будет иметь экстраординарный характер. Если человечество выдержит удары, чреватые разрушением системы ценностей западной цивилизации, то его ждет новая интеграция — на основе прежних и вновь образованных элементов. Выход Сорокину виделся в углублении, совершенствовании образования, развитии духовной и культурной жизни — в противостоянии зверю, обитающему в недрах человеческой души.

В «Социологии революции» он вывел универсальную схему. Проанализировав французскую, английскую, германскую XIX столетия, античные революции, а также египетскую, персидскую, русскую 1917 года и ряд других, пришел к выводу о том, что каждая из них прошла три стадии.

Первая, самая короткая, отмечена радостью освобождения, когда начальство гуманно, полиция безвластна и ни на что не способна. В это время постепенно раскрепощаются безусловные рефлексы боль-

шей части населения, берут начало психические и поведенческие мутации, массовые и внезапные. Множатся грабежи, убийства, погромы. Крестьяне становятся полководцами, раб убивает господина, атеист превращается в верующего, мирный гражданин — в кровожадного убийцу и насильника.

Для второй фазы типичны ужасы тотальной деструкции. В человеке просыпается зверь. У него постепенно отмирают условные рефлекссы, а свои негуманные действия он прикрывает речами и лозунгами, антирациональными, хлестко-крикливыми. «Освобожденная» природа вызывает колоссальное напряжение сил и нервное перевозбуждение. Толпы быстро переходят от восторгов к ненависти, и наоборот. Поведение масс делается подражательским. Вождь способен увлечь их на гибель, геройства, безрассудные поступки. Отмирают рефлекссы собственности, труда, полового стыда и воздержания. Психика искажается и элементаризируется. Повсюду видятся угрозы, идет поиск врагов, заговорщиков, вредителей-контрреволюционеров. Упраздняются морально-нравственные императивы, человеческая жизнь не ценится.

Возникает повальная мания величия: не только вожди, но и революционные массы восхваляют себя, а все свои деяния представляют как поворотные шаги в истории челове-

Памятник П. Сорокину в Сыктывкаре. Скульптор — А. Ковальчук

чества, твердят о наступлении новой эры, меняют названия городов и улиц, присваивая им имена еще живых вождей... Законы логики не действуют: сосед случайно расстрелянного обывателя попадает в тюрьму, владелец обычных очков, не говоря уж о пенсне, объявляется буржуем-эксплуататором, которого-де надо убить без суда и следствия и т.д. Для общества характерен отрыв от реальности, социальный иллюзионизм, когда люди верят в возможность осуществления несбыточных фантазий, утопических идей. В результате парализуется всякая жизнедеятельность, распространяются эпидемии, голод, начинается гражданская война. Революция приближается к следующему этапу своей второй фазы — террору, который осуществляют противодействующие стороны гражданского конфликта. Смысл этого кровавого действия состоит в том, чтобы отрезвить распоясавшееся общество, снова привить ему инстинкты законопослушания, воздержания, способности к труду. Террор и диктатура являются неизбежными результатами любой революции, пожарающей в первую очередь своих творцов и адептов.

Сорокин составил немалое количество таблиц, показывающих, как революционные эксцессы отражаются на демографии. Смертность возрастает в два раза, рождаемость падает более чем вдвое. Напри-

мер, в 1922-м население Башкирии уменьшилось по сравнению с 1920-м на 33 процента, одного из уездов Самарской губернии — на 50, Херсона — на 60. Всего в период с 1917-го по 1922-й Россия потеряла более 15 миллионов душ.

Потери имеют долгосрочный характер. Истощается национальный генофонд, новые генерации оказываются гораздо слабее предшествовавших. Падает число гениев, талантливых людей — это связано с тем, что слой элиты катастрофически истончается: в гражданскую войну погибают в первую очередь наиболее здоровые, нравственно состоятельные индивиды, а мужчин умирает в два раза больше, чем женщин. Оставшиеся в живых работают на износ и часто не оставляют потомства. В России, к примеру, погибли почти все кадровые офицеры — армейская элита. Интеллектуалы покидали этот мир, не сумев приспособиться к физическому труду, голоду, эпидемиям, воровству, которое распространилось повсюду и кому-то помогло выжить. Рожденные дети были немногочисленны, рахитичны, заражены многими болезнями, в том числе венерическими. Во время революций от 10 до 50 процентов населения — в зависимости от мест пребывания — подвержены различным смертельно опасным заболеваниям. Резко возрастает в периоды социальных катаклизмов

ФИЛОСОФ О ФИЛОСОФЕ

число психических больных, особенно в районах, где наблюдались массовый голод и людоедство.

С другой стороны, жуткие следствия революции являются уздой, укрощающей энергию возмущенных масс. Истощенные, полуголодные и запуганные, они вновь становятся законопослушны и трудолюбивы. «Раскрепощенные» половые инстинкты труднее всего поддаются обузданию, и еще немало лет количество разводов, изнасилований, бездетных браков остается аномально высоким.

Третья, завершающая, стадия — конструктивная. Новое правительство, уничтожив все контрреволюционные силы, начинает выстраивать свою систему контроля и порядка, которая станет синтезом старых, дореволюционных и свежих элементов. Любая страна платит непомерно высокую цену за революцию. Последняя же есть не что иное, как всеобщий психоз в отсутствие всякой власти. Для того чтобы созданное государственное руководство утвердилось над ассоциированными толпами, ему приходится применять жесточайший террор. Революции отличаются друг от друга лишь интенсивностью психоза, длительностью и кровавыми последствиями.

Исследовав социальность, психику и природу человека, Питирим Сорокин окончательно распрощался с иллюзиями, свойственными ему в молодые годы. Он стал одним из самых ярких консерваторов, утверждал, что сильная власть, строгие законы, развитие культуры и нравственности способны ввести инстинкты в пределы разумного, общественно безопасного. Собственные убеждения подкреплял при этом фундаментальными исследованиями. В наши дни возвращается на родину наследие этого ученого, переводятся его многочисленные труды. На идеях Питирима Александровича во многом построена современная социологическая наука.

Служу России

Ж.-М. НАТЬЕ. «БИТВА ПРИ ЛЕСНОЙ», 1717

Своим — всё, врагам — по закону

Валерий Шамбаров

В 1707 году над Россией нависла смертельная угроза. Карл XII разгромил всех союзников царя Петра. Дания капитулировала. Польша покорилась, избрала на престол ставленника скандинавов Станислава Лещинского. Прежний польский король и курфюрст Саксонии Август Сильный выдал неприятелям русских солдат и нашего посла, снабжал шведов всем необходимым, помогал изготавиться к новому походу на Русь. Мы остались в одиночестве. А шведская армия считалась лучшей в Европе. До тех пор одолеть ее не мог ни один противник. Массированного штыкового удара пехоты Карла или натиска его тяжелой конницы в бою не выдерживал никто.

ВПРОЧЕМ, схватка предстояла даже не один на один. К вражескому наступлению готовы были подключиться многие шляхтичи. Крымское ханство и Османская империя только и ждали разгрома русских, чтобы вмешаться, погреть руки. Карл XII даже не скрывал, что диктовать условия мира намерен в Москве, а вместе с тем — низложить Петра, возвести на трон марионеточного царька, себе забрать Псков, Новгород, Русский Север, скрыть юный Санкт-Петербург, полякам отдать Смоленск и Украину, а остальную Россию поделить на удельные княжества.

В ожидании нашествия Петр I расположил ставку в Жолкве, под Львовом. Здесь прошел военный совет, на котором было решено: на территории Речи Посполитой, а та включала в себя Правобережную Украину, Белоруссию, Литву, генерального сражения не давать. В случае поражения вся местная шляхта переметнулась бы к врагу, и отступать в свои пределы русским стало бы крайне трудно. Постановили: когда начнется вторжение, отходить к нашим границам. Но при этом в марте 1707-го Петр издал указ о защите Отечества — «О предосторожностях на случай вторжения неприятельского».

Население заблаговременно оповещалось: супостат на русской земле не должен получить ничего — ни продовольствия, ни фуража. На двести верст в глубину от границы, от Пскова через Смоленск и до «черкасских (т.е. украинских) городов», требовалось не держать «на виду» запасов хлеба, сена и т.д. Зарывать все в ямах, прятать в лесах, а самим готовить убежища в чащобах и болотах. Тактика выжженной земли не была каким-то уникальным царским изобретением: таковые порой провозглашались многими тогдашними властителями, например, персидскими шахами в войнах с османами. Однако данные меры люди должны были осуществлять сознательно, ради спасения родной страны. Указ Петра объявили крестьянам заранее, «ободрив их и растолковав сию меру».

Этот стратегический документ стал частью целого комплекса мероприятий, продуманных и планомерно

вводимых царем. Опасность вторжения шведов существовала еще в 1706 году, когда Карл XII вступил в Белоруссию, блокировал русскую армию в крепости Гродно. В то время Петр издал еще один указ, предписавший поднимать на борьбу весь народ — рубить в лесах и на дорогах сплошные засеки от Смоленска до Брянска, собирать мужиков с охотничьими ружьями, рогатинами, косами, создавать из них отряды для самообороны, несения караулов. В тот раз подобное напряжение сил не понадобилось. Царскую армию из Гродно удалось вывести, и Карл, безуспешно погнавшись за ней по белорусским болотам, сильно измотанный, ушел на запад — добивать Саксонию. Но сами меры не были отменены.

В апреле 1707-го Петр в дополнение к предшествующим актам отправил в Москву указ о подготовке столицы к возможной осаде. Требовалось отремонтировать укрепления Кремля и Китай-города, укомплектовать гарнизон, собрать запасы продовольствия, выкопать в центре города-крепости колодцы. Предусматривалась эвакуация из Москвы в район Белоозера правительственных учреждений «с лучшею святынею, також с церковными и казенными богатствами и нужными посольскими письмами». Назначалось также укрепить и палисадировать Серпухов, Можайск, Тверь. Дворянам вместе со слугами надлежало формировать

отряды ополчения. В последующих разъяснениях, обращенных к народу, Петр уточнял, что непосредственной опасности пока нет, армия прикрывает границы и будет их оборонять, но на всякий случай готовиться все-таки нужно, «осторожного коня и зверь не вредит».

Если же взглянем на эти приготовления в совокупности, то картина предстанет более чем определенная. Под угрозой вражеского нашествия царь планировал и организовывал народную войну. Все жители России должны были понять: Отечество общее, одно для всех — и для государя, и для солдата, и для любого труженика. Каждого призывали персонально, лично, осознать себя защитником родной страны. А защищать ее следовало всеми доступными способами: с

НЕИЗВЕСТНЫЙ ХУДОЖНИК.
«ИМПЕРАТОР ПЕТР I АЛЕКСЕВИЧ
НА КОНЕ»

дубовиком или рогатиной в руках, собственным трудом по строительству и ремонту укреплений, вывозом в лес или сжиганием хлеба и сена, чтобы голодали неприятельские солдаты, падали их лошади.

В нашей истории нечто подобное случалось и прежде — в период Смуты, интервенции поляков. Но тогда люди поднимались против оккупантов стихийно, причем далеко не сразу, а лишь после того, как чужеземцы и их пособники допекли, показали свое истинное лицо посредством грабежей, насилия, святотатства. Целенаправленную организацию общенародной войны на государственном уровне Петр осуществлял впервые, звал на нее всю Россию, вырабатывал, четко определял основные направления и методы противодействия врагу. Превращал огромную страну в единый военный лагерь, где у всех свои задачи — у ратников, горожан, крестьян. Их усилия сходились к одной главной цели: победе над захватчиками и спасению Отечества.

В ходе Северной войны такая политика оправдала себя в полной мере. Когда шведы вступили в российские владения, на Левобережную Украину, крестьяне сами, без каких-либо дополнительных указаний, укрывались по лесам и крепостям, прятали продовольствие, сено, овес, уничтожали мелкие группы вражеских фуражиров. Города и местечки запирали перед неприятелем ворота, держались в осадах, погибали, но сдаваться отказывались. Народ не пошел за изменником Мазепой, отверг все воззвания Карла XII, обещавшего жизнь, спокойствие, хорошую оплату за поставки хлеба, мяса, сала, фуража. Усталость, ослабление, потери шведской армии, вынужденной ради

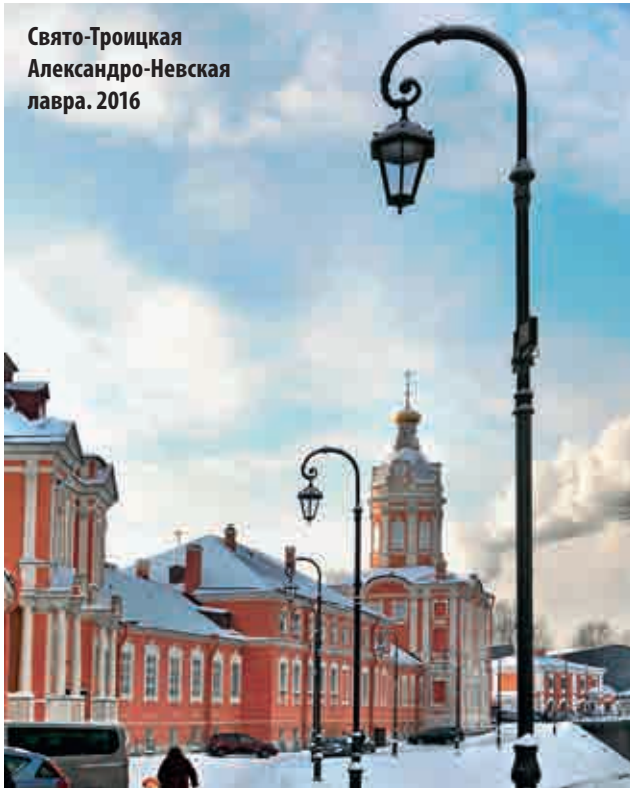
пропитания рейдировать туда-сюда и брать с боями населенные пункты, во многом предопределили ее разгром и гибель под Полтавой.

Примерно то же самое повторилось в 1812-м. Правда, Александр I не обладал дальновидностью и решительностью Петра Великого. На государственном уровне планы народной войны не вводились. Она опять стала разворачиваться стихийно и именно по тем направлениям, которые предвидел и считал целесообразными первый российский император: «оголошение» захватчика — лишение его продовольственной базы, создание крестьянских партизанских отрядов, участие добровольцев в обороне городов и даже их сожжении, чтобы не достались врагу. После Бородинской битвы и оставления Москвы Кутузов стал очень умело использовать эти процессы, развивать инициативу патриотов, налаживая общую координацию действий с помощью казачьих, кавалерийских подразделений.

В полном масштабе петровская программа всеобщей защиты Родины была введена в действие в 1941 году. Распоряжения советского правительства об эвакуации или уничтожении ценного имущества, запасов сырья, топлива и продовольствия, организация партизанского движения, мобилизация населения на оборонительные работы, в ополчение, «истребительные отряды» — все это четко соответствовало указам государя перед шведским нашествием, а речи Сталина, обращенные к народу в это трагическое время, во многом перекликались с петровскими призывами. Подвиг Зои Космодемьянской, пытавшейся поджечь сено, предназначенное для германских лошадей, или членов «Молодой гвардии», портивших оборудование

Свято-Троицкая
Александро-Невская
лавра. 2016

ФОТО: ТАТЬЯНА ТИМИРХАНОВА/ИНТЕРПРЕССТАСС

угольных шахт, — разве это не части все той же, испытанной веками программы?

Таким образом, можно утверждать, что планы общенародной защиты Отечества, разработанные и внедренные Петром I в преддверии смертельного столкновения со шведами и их сателлитами, во многом заложили традиционные основы русского патриотизма. Именно эти принципы получили развитие во всех последующих тяжелых испытаниях, которые довелось пережить нашей стране.

Кстати, давно пора бы покончить с историческими фальсификациями, возникавшими в разные времена и немало искажившими образ Петра Великого. До революции главной его заслугой с какой-то стати признавалось прорубание окна в Европу, сближение российских порядков и фасонов одежды с западными. Родился миф о противостоянии государя с православной церковью. Впоследствии столь же вздорные анекдоты дали почву для обвинений в космополитизме, протестантских увлечениях, разврате, пьянстве и в конце концов для изображения царя чуть ли не антихристом.

Реальные факты показывают: да, Петр совершал ошибки, как и любой смертный. В молодости действительно увлекся копированием иностранных образцов, проявлял чрезмерное доверие к зарубежным специалистам. Но патриотом он был всегда, твердым и бескомпромиссным. Его самостоятельное правление началось с изгнания из России иезуитов, вместе с его сестрой Софьей готовивших введение церковной унии, расторгением крайне невыгодных для страны договоров с иностранцами, заключенных прежним

правительством. Что же касается ошибок, то Петр умел их осознавать и исправлять. Война во многом открыла ему глаза на истинные качества иноземных «спецов», и еще задолго до Полтавы он подчеркивал в приказах по армии: офицеров на ответственные посты назначать из своих, из русских.

В зрелые годы канули в Лету и буйные забавы юности. Зарубежные очевидцы отмечали, что государь очень сдержанно ведет себя на пиршествах, спиртное употребляет весьма умеренно (для иностранцев это было удивительно). Любовную связь с простолудинкой, безродной пленницей царь не побоялся узаконить в браке, сделав Екатерину императрицей, — для западных монархов такой шаг являлся вообще неслыханным. А чужеземные механизмы управления он перенимал отнюдь не бездумно. Выборочно заимствовал импортные модели, ориентируясь на самые сильные державы той эпохи, Швецию и Францию.

Особо стоит коснуться отношения царя к православии. Критики, огульно обвиняющие Петра, почему-то забывают о его близкой дружбе со св. Митрофаном Воронежским. Предпочитают не замечать, что именно он выдвинул на высокие посты в церкви св. Димитрия Ростовского, св. Иоанна Тобольского, св. Иннокентия Иркутского, добился официального прославления св. Андрея Боголюбского. По указаниям государя широко развернулась миссионерская работа. Только в одной Тобольской епархии было крещено 40 тыс. инородцев, открыто 37 храмов. При Петре наши православные церкви открылись в Лондоне, Берлине, Париже.

Даже его поход на Неву для отвоевания прежде отнятого у России выхода к морю начался совершенно необычно для «просвещенного» XVIII века — с паломничества в Соловецкий монастырь, строительства церкви на Заячьем острове, благословения у старца Иова, святого прозорливца, которому являлась Сама Пресвятая Богородица. Победы Петра Великого отмечались целым рядом чудотворных икон. Одна открылась воинам после взятия Азова, другая — когда овладели Нотебургом. На поле Полтавской битвы по приказу царя привезли Казанскую икону Божией Матери, перед ней государь молился, ею благословляли солдат. На месте битвы он повелел основать монастырь, в заложенном им Санкт-Петербурге — Александро-Невскую лавру. Возродил знаменитый Валаамский монастырь, уничтоженный под властью шведов. Строил многочисленные храмы, и некоторые возводились по его собственноручным эскизам. В войсках ввел должности полковых и корабельных священников, установил обязательные службы.

Спрашивается, кому же нужны легенды об антихристианстве государя-груженика и прочая грязь? Ответ прост: именно тем, кто на дух не переносит патриотические установки Петра. Ведь если антихрист, то получается, что прав не он, а... Мазепа.

РИСУНОК: Ю. АННЕНКОВ

В объятиях честного крокодила

Дарья Ефремова

В последний день марта исполнится 135 лет с момента рождения Корнея Чуковского, одного из самых популярных детских авторов даже в сегодняшней России: до сих пор «Айболит», «Мойдодыр», «Муха-Цокотуха» выходят практически ежегодно огромными тиражами. А кроме того — наиболее заметного литературного критика своего времени, прославившегося острыми зарисовками, фундаментальными работами по теории художественного перевода.

КОГТИ Чуковского, по выражению современников, ощущал на себе едва ли не каждый, о ком тот писал. На карандаш попадали многие: Куприн, Блок, Сергеев-Ценский, Горький, Арцыбашев, Мережковский, Бальмонт, Андреев. Афористичный, жесткий, парадоксальный, он вкладывал в литературоведческие заметки сильную эмоцию, считая ее таким же необходимым компонентом жанра, как и собственно анализ. «Покуда критик анализирует, он ученый, но когда он переходит к синтезу, он художник, ибо из мелких и случайно подмеченных черт творит образ человека».

Его искусство — Чуковский как раз настаивал на занесении критики в разряд искусств — оказывалось настолько дерзким, что часто ставило в тупик. Порой и не поймешь, превозносит он или ругает. Так, например, сумрачного Леонида Андреева Корней Иванович произвел в лихачи-маляры. Другого изысканного стилиста назвал «больным кротом»:

«Все современные писатели словно вдруг и поголовно ослепли. Уж не выколоты ли у них глаза?.. Точно перед слепорожденными бесследно прошло многоликое потомство и Хоря, и Калиныча, и Хлестакова, и Стивы Облонского, и трех сестер... Но страшно быть зрячим кротом. Зрячий крот это аномалия, зрячий крот это больной крот, — как бы у него не случилось воспаление мигательной перепонки. Зрячесть Куприна — это его болезнь. Он, как никто сейчас в русской литературе, смотрит жадно и видит остро: «Трава была так густа и сочна, так ярко, сказочно-прелестно зелена и так нежно розовела от зари, как это видят люди и звери только в раннем детстве»... Он деловито сообщает нам, что «крик теревов отчасти похож на испорченный, осипший петушиный крик, отчасти на шипение, а также на свист ножа под колесом точильщика; что у донской лошади горбоносая морда и острый кадык; что повилка пахнет горьким миндалем; что у американских атлетов нет аристократического самолюбия, и они борются только из-за приза; что у конокрада Бузыги все ребра срослись до самого пупа...».

А вот — пронзительная дневниковая запись о смерти Блока, он узнал о ней в деревне под Порховом, занимаясь устройством летнего санатория для писателей: «Каждый дом, кривой, серый, говорил: «А Блока нету. И не надо Блока. Мне и без Блока отлично. Я и знать не хочу, что за Блок». И чувствовалось, что все эти сволочные дома и в самом деле сожрали его... я увидел светлого, загорелого, прекрасного, а его давят домишки, где вши, клопы, огурцы, самогонка — и порховская самогонная скука. Когда я выехал в поле, я не плакал о Блоке, но просто — все вокруг плакало о нем. И даже не о нем, а обо мне. «Вот едет старик, мертвый, задущенный — без ничего». Я думал о детях — и они показались мне скукой. Думал

о литературе — и понял, что в литературе я ничто, фальшивый фигляр — не умеющий по-настоящему и слова сказать. Как будто с Блоком ушло какое-то очарование, какая-то подслащенная ложь — и все скелеты наружу».

Их связывала самая искренняя дружба. Более всего в людях Корней Иванович ценил правдивость, а Александр Александрович был категорически чужд притворству, совершенно не умел золотить пилюлю. И эту особенность молодому Чуковскому не раз приходилось испытывать на себе...

1921 год. Поэтический вечер в одном из петроградских театров. Публики несметное множество. Чуковскому надо произносить речь, но он нездоров, расстроен, утомлен, выступление не клеится. Кое-как кое-что скомкав, поскорее убежал за кулисы. Блок между тем имел грандиозный успех и всей душой участвовал в неуспехе друга: подарил цветок из поднесенных ему, предложил запечатлеться на одной фотографии. Эта карточка широко известна и сейчас: сорокалетний Корней, молодцеватый, с гусарскими усами, с вызовом смотрит в объектив (сам он писал «с убитым лицом»), рядом — Блок, спокойный, добрый, как врач у постели больного.

«Когда мы шли домой, он утешал меня очень, но замечательно — и не думал скрывать, что лекция ему не понравилась. «Вы сегодня говорили нехорошо, —

К. Чуковский

О. Мандельштам, К. Чуковский,
Б. Лившиц и Ю. Анненков. 1914

С дочерью Мурой. 1926

сказал он, — очень слабо, невнятно... совсем не то, что прочли мне вчера». Потом помолчал и прибавил: «Любе тоже не понравилось. И маме...»

Конечно, это был редкий случай публичного провала. Чуковский-го знали как блестящего оратор-

ра, способного гипнотизировать зал — столько энергии, чувств вкладывал он в свои выступления. Отмечали его артистизм, даже сценический дар, считали мастером каламбура.

— Господа честные крокодилы, желаю вам доброго здоровья! —

уже в статусе дедушки Корнея приветствовал мэтр благодарную публику. С детьми играл в несерьезность, однажды на вопрос ведущей какого-то праздника «Кто лучше всех знает Мойдодыра?» закричал «Я!».

А философ Василий Розанов оставил художественные воспоминания о лекциях Чуковского в Большом демократическом зале Соляного городка: «Вы снова соглашаетесь и удивляетесь, как вам в 50 лет не пришло на ум того, что пришло этому молодому человеку... он даже без бороды и, по-видимому, не бреется, — совсем юный»...

«Высокий-высокий тенор несется под невысоким потолком... ни один «господин купец» и ни который «попович» не заговорит этим мягким, чарующим, полуженственным, нежным голосом, который ласкается к вашей душе и, говоря на весь зал, в то же время имеет такой тон, точно он вам одному шепчет на ухо...» «И вот тещи бегут, бегут, им встречаются канавы, рытвины, еще что-то встречается: автор подробно не только перечисляет, но картинно описывает препятствия, встреченные старухами и полустарухами в неистовом беге. Что такое? Наконец смысл выясняется. Автор подробно, сочно, со вкусом передает одну из картин кинематографа, под именем «Бег тещ», где представляется состязание на приз этих несчастных женщин, а приз — замужество дочери. Слушатели умной аудитории Соляного городка, из которых едва ли кто не находится в положении зятя, тещи, замужней женщины, или не имеет этих лиц в родстве своем, — все улыбаются, посмеиваются, и смех дружно подымается по залу, когда лектор говорит особенно удачную остро-ту или приводит особенно яркое сравнение. А лектор не скучится на яркость: тусклых красок он не выносит, и у него все блестит, как блестит и он сам».

Работа «Нат Пинкертон и современная литература» — о кинематографе, одна из тех, что значительно опередила свое время, потребовала обращения к совершенно новому, неизученному материалу. Чуковский исследовал феномен коллективного разума, массовой культуры, предвосхитив Хосе Ортегу-и-Гассета с его «Восстанием масс» более чем на два десятилетия. Ставший классикой труд испанца вышел в 1930-м, лекция в Соляном городке читалась в 1908-м.

«Старуха-мать устраивает судьбу дочери, — возможной назавтра сироты. Если этому смеяться, — можно начать смеяться тому, что домохозяин хлопочет об отдаче квартир жильцам, что молодой человек заботится о должности, что рабочий ищет работы, и, наконец, можно даже начать смеяться тому, что птица вьет гнездо и собирает с таким усердием кусочки соломы, прутьев и комочков сухой земли», — продолжал оратор, а когда обескураженный зал взрывался аплодисментами, строил еще более эффектные риторические фигуры. Вечно скучающий, ищущий одних лишь забав, падкий на дешевые эффекты, коллективный разум для Чуковского даже не сродни дикарскому: дикари — мечтатели, визионеры, у них есть шаманы, заклятия, фетиши, а здесь какая-то мистическая пустота, дыра, небытие. — «Нет решительно ничего, и нечем заполнить это ничто! У устрицы новорожденной и то фантазия ярче».

Столь же личным было отношение к Некрасову, которому он посвятил целую серию работ. Писал о классике, как о себе — о «своей тоске, своем безумном трудолюбии, погруженности в корректуры и редактуры», собственной, а не некрасовской, несчастной юности: «Некрасов был семнадцатилетним подростком, когда в захудалом петербургском журнале «Сын Отечества» появилось его полудетское стихотворение «Мысль»... Каких только жанров не перепробовал он в это время! Двенадцать повестей и рассказов... несметное множество фельетонов, стихов и статей — таков был итог его шестилетней поденщины... «Господи! Сколько я работал! Уму непостижимо, сколько я работал», — вспоминал он потом об этом шестилетнем своем ученичестве... Правда, обывательской публике все больше приходилось по вкусу их наигранная, бойкая веселость фельетонов, но он сам, в тайниках души, был мучительно недоволен собою. Он чувствовал, что идет по неверной дороге, и горько упрекал себя за это».

Примечательно, что как журналист-универсал начинал и сам Чуковский — в «Одесских новостях»,

А. Блок и К. Чуковский на вечере Блока в Большом драматическом театре. Петроград, 25 апреля 1921 года

сатирическом журнале «Сигнал», других изданиях. Одна из публикаций даже стала причиной ареста за оскорбление главы государства. Так продолжалось до тех пор, пока на талантливого журналиста, «в погоне за броскими публикациями рисковавшего погубить свое перо», не обратил внимание Владимир Короленко. Тот нарисовал ему перспективу серьезной работы над произведениями поэтов-демократов.

К моменту, когда Чуковский начал заниматься творчеством Некрасова, у него уже сложился собственный критический метод — набор приемов и принципов, свой язык, щедрый, изощренный, гибкий. Вырисовалась цель — создать художественный образ того, о ком пишет: осязаемый, предметный, живой. Исторические экскурсы и стройная система доказательств соседствуют с крупными фрагментами беллетризованной прозы. Свои критические работы он не рассматривал как научные. Вспоминая о том, как рождался «Нат Пинкертон...», заметил: «Мне казалось, что я пишу поэму». А про первую монографию о Некрасове говорил Горькому: «Она писалась как роман».

Родное слово

Владимир Крупин:

«Распутина будут читать, пока жива Россия. А она вечна»

Андрей Самохин

«Прощание с Матерой», «Живи и помни», «Последний срок» — эти названия многое говорили советским поколениям соотечественников, а также всем, кто в остальном мире интересовался нашей литературой. Образ автора — с ним мы простились два года назад — остается символом русской души, отождествляется порой с глубинным, всенародным родником воды живой. Сам литератор, впрочем, наверняка выступил бы против столь высокого штиля в сравнениях, ибо чурался комплиментов, пышных фраз. В канун 80-летия выдающегося писателя Валентина Распутина «СВОЙ» побеседовал с его другом и собратом по перу Владимиром Крупиним.

СВОЙ: *В чем секрет личности Распутина? Его огромного влияния на умонастроение людей? Великий дар писательского слова, человеческий дар неравнодушия?*

Крупин: Мне и по сей день трудно говорить о Валентине. Первое, что приходит на ум, — пушкинская строка «Печален я: со мною друга нет». Есть, правда, и другая, утешающая: «Не говори с тоской: их нет, но с благодарностью: были». Он был очень цельной личностью, отделить писательское от человеческого в нем невозможно. Он поступал в жизни так же, как и творил, — с открытым сердцем. Вырос на Ангаре, в сибирской деревне, а через тридцать лет стал человеком общерусского и мирового масштаба. Такого авторитета, как у него, не было в литературе. Удивительно, а может, и закономерно то, что при этом он обладал редкой скром-

В. Крупин и В. Распутин на встрече с читателями Алтая. 1987

ФОТО: ВИКТОР САДЧИКОВ/ТАСС

ностью, деликатностью. Когда Распутин ушел, мир вокруг потускнел. В писательском сообществе оказалось больше склок, чем дела; и литераторам, и политикам стало как бы вольготнее врать. Он же всегда мог отличить фальшь от искреннего слова. Его не с кем сравнить в истории литературы... Но именно русская классика и русская жизнь выпестовали Валентина с его твердым нравственным началом.

СВОЙ: Валентин Григорьевич написал относительно немного. Причем основной заил его прозы — от «Денег для Марши» и «Последнего срока» до «Прощания с Матерой» — был сделан примерно в течение десятилетия, в 60–70-е. После длительного перерыва, в 1985-м, — программная повесть «Пожар», а затем еще более про-

должительное молчание, если не считать нескольких рассказов, очерков и публицистики. И лишь в 2003-м — последнее крупное произведение «Дочь Ивана, мать Ивана». Чем объяснить неравномерность и некоторую скудость творчества Распутина?

Крупин: Значение имеет не количество, а качество литературы. А у него каждое слово — на вес золота. Валя очень медленно работала, скрупулезно. Я его спросил однажды: «Как ты пишешь?» Он пошутил: «Ну как, посижу, посижу, строчку напишу, посижу, посижу, зачеркну». Отношение к писательству у него было сакральным. В мальчишках, по его словам, он недоумевал, как это — на простой бумаге и вдруг целая жизнь: природа, разговоры. Даже брал книгу, кото-

рая сильно понравилась, и на свет страницы рассматривал, чтобы понять.

СВОЙ: Когда читаешь Распутина, не видишь особых красотей слога, метафор, гипертекста, как сейчас модно говорить. Просто течет повествование, как река, отражающая бытие. И ты будто плывешь, радуясь вместе с героями, болея душой, ужасаясь.

Крупин: В этом и есть большой талант: ты погружаешься полностью в произведение, не замечаешь сюжетных швов. Сквозное действие, которое особенно ценят в театре, кинематографе, у него было органичным. Недаром его произведения столько раз ставили на сцене и экранизировали. При этом у Валентина не спотыкаешься ни

на одном слове, даже редком, диалектном или новообразованном. У него было какое-то нечеловеческое чутье на меткие, емкие слова, он их подхватывал в беседе, запоминал, а потом использовал. Так, я однажды поинтересовался, откуда он взял глагол «утархтела», имея в виду моторную лодку. «Не помню, — говорит, — может, услышал, а может, само так написалось». Но ведь органично же. Утархтела, скрылась за поворотом, и опять на реке тишина. Не вымучивал он неологизмов, не вставлял специально старославянизмов.

Насчет периодов молчания Распутина... Причин много видится — и внешних, и внутренних. В Красноярске и, позже, в Иркутске его сильно избивали, убивали почти. И там, и там он отказался от расследования.

Много горя было в жизни Валентина Григорьевича: маленьким умер первый сын, дочка погибла в авиакатастрофе, супруга долго и мучительно его покидала. Это — чудовищные удары, а он был очень сострадательный человек. Очень семейный. Огромным потрясением стало для него также все, что происходило со страной после переворота 1991-го. Тут было не до прозы, он сопротивлялся нашествию бесовщины в Россию. От этих годов остались книги публицистики. А в общем и целом тяжелый крест нес всю жизнь...

СВОЙ: *В 90-е он говорил, что это время ему трудно в художественном слове выразить, что самый адекватный образ для данного периода — апокалипсис.*

Крупин: Да, он это так воспринимал. Хотя, кроме публицистики, у него тогда появилось несколько очень красивых и глубоких рассказов.

СВОЙ: *Кто-то из критиков заметил, что Распутин бесконечно печальный писатель...*

Крупин: По-моему, он бесконечно светлый писатель. Да даже и юмор его потрясающий. Помните сцену в

«Последнем сроке», где мужики в бане сидят. Не парятся. Валентин был веселым человеком, любил розыгрыши, сам их устраивал. Нам, правда, досталось такое время, когда радоваться особо нечему было. С другой стороны, в России иных времен-то и не бывало, пожалуй...

СВОЙ: *Какое из его произведений Вам по прошествии лет ближе всего?*

Крупин: Тот же «Последний срок», наверное. Вот у девочки Люси на пашне конь упал, и она его в отчаянии пытается поднять... Страшный,

Огромным потрясением стало для него все, что происходило со страной после переворота 1991-го. Тут было не до прозы, он сопротивлялся нашествию бесовщины в Россию. От этих годов остались книги публицистики

пронзительный эпизод. А конец повести: «Ночью старуха умерла», — прямо мороз по коже. Но вот парадокс: не менее трагический финал в повести «Живи и помни», но ты закрываешь книгу, а в душе — свет.

СВОЙ: *Многие обращали внимание на еще один распутинский парадокс. Государство в повести «Прощание с Матерой» выступает как злая машина, буквально уничтожающая не только вековой народный лад, но и саму землю, ее реки. В «Пожаре» легко угадывается метафора страны, где все пошло наперекосяк и поэтому горит синим пламенем. А высшее руководство за такие об-*

винения писателю — и госпремии, и экранизации, и Героя Соцтруда. Как это объяснить?

Крупин: Только силою настоящего таланта, который покоряет людей часто даже вопреки. Вообще, настоящий писатель всегда на стороне страдающего народа. Но и государство не монолитно — состоит из отдельных людей. Находились смелые цензоры, мужественные редакторы, например Сергей Викулов, главред «Нашего современника», печатавший Распутина. Не пресловутая «русская партия», а просто люди, любящие (любившие — «иных уж нет») Россию: завредакцией «ЖЗЛ» Сергей Семанов, философ и литературовед Вадим Кожинов, критики Петр Палиевский, Михаил Лобанов, Юрий Селезнев, Анатолий Ланщиков... Все они всегда защищали произведения Валентина. Ввиду явной талантливости его творчество не могли не замечать и критики либерального направления. Поклонники писателя и в ЦК находились. А народ книги раскупал. За границей у него была шквальная известность. Вот и попробуй после этого не заметить. Но «прикормить» его не удалось никому.

СВОЙ: *Крепление широко известного в СССР и за рубежом писателя в 1980 году стало определенным вызовом, не так ли? Ведь скрыть было практически невозможно. Вы, кажется, тоже в этом принимали участие?*

Крупин: По благословению нашего общего первого духовника иеросхимонаха Нектария (в миру Николая Александровича Овчинникова) я и кинорежиссер Ренита Григорьева стали его восприимчивыми от Святой купели. Крестил в Ельце архимандрит Исаакий (в миру Иван Васильевич Виноградов), настоятель Вознесенского собора и благочинный округа. Он был во время Гражданской войны штабс-капитаном в Дроздовском полку, много скитался в эмиграции, принял постриг, учился в Бо-

В. Распутин и музыкант П. Уинтер на озере Байкал. 1986

ФОТО: ХАМИН/РИА НОВОСТИ

гословском институте в Париже, а после взятия советскими войсками Праги был репрессирован. Служил в Казахстане, монашествовал в Троице-Сергиевой лавре, а потом получил назначение в Елец. Крестил он у себя дома. Валентин пришел ко крещению сам, давно у него такая мысль зрела. А после совершения таинства поехали на Куликово поле, в Оптину пустынь. Это была одна из самых светлых поездок. Было и много других: и по стране, и по загранице. Прием у папы римского, а перед этим — Венеция. А она же на воде. И самолет так низко и так долго шел над волнами, что Валя, сидевший у окна, пошутил: «Увидеть Венецию и утонуть».

СВОЙ: Кого из русских классиков он любил, кого недолюбливал?

Крупин: Очень любил Лескова, Бунина, Шмелева, когда того у нас печатать стали. Весьма выборочно Толстого и Достоевского, не очень — Чехова. Совсем не любил Салтыкова-Щедрина. Вспоминал сказанное про него: «Насосался русской крови и сытый отвалился в могилу». Мог часами читать лежа. Меня изумляло, что при этом держал все время голову на весу.

СВОЙ: Его резко отрицательная позиция по отношению к Ельцину и присным привела к тому, что вокруг Распутина образовалось

зловещее молчание, прерываемое укусами либерал-демократов. Он, как и Вы, Белов, другие писатели-«деревенщики», разошелся с Астафьевым в разные стороны.

Крупин: Да, это был очень тяжелый период. Валя написал рассказ о штурме Верховного Совета, в котором такие строки: «Если бы все встали и пошли, то победили бы». Он, не обинуясь, называл вещи своими именами. Разумеется, закрыли тогда наглухо перед ним все центральные СМИ, начали его подтравливать — исписался, мол. А с Виктором Петровичем — отдельный большой вопрос. Мы все очень любили его. Он был для нас авторитетом, крупнейшим мастером. Когда сживали с ним в компании, никто и рот не мог открыть, только он и говорил. А говорить умел, смеялся: «Я как политрук: убьют, еще три дня язык болтается». Но вот — подпись к письму этому окаянному, «Раздавите гадину», ставит, одобряет избивение пенсионеров, идущих возлагать венки к Вечному огню. Много чего наговорил злого и безобразного в те годы. Конечно, Валентин и мы все отшатнулись от него. И все же после этого однажды приехали к Астафьеву на четыре дня, когда тяжело заболела его жена Мария Семеновна. Валя позвонил, сказал: надо. Говорили, гуляли по Красноярску, съездили в Овсянку.

Но трещину так и не преодолели, больно уж глубока оказалась. А потом... потом похороны, упреки вдовы — тяжело было. И Валя до конца своей жизни разрыв этот с болью вспоминал.

СВОЙ: А с кем еще из писателей он дружил?

Крупин: Необыкновенно гармоничная дружба была у Валентина с Сашей Вампиловым в молодости. Оба — иркутяне, в так называемую «Иркутскую стенку» входили: молодые, веселые шестидесятники. Оба были редкостно начитанными. Слушать их диалог — подлинная роскошь. Один начинал цитату, второй заканчивал, мысли друга подхватывали на лету. Из писателей близок и особенно дружен был Валя с двумя Викторами — Потаниным и Лихоносовым, а также с Михаилом Чвановым, Валентином Курбатовым, Виктором Смирновым, Станиславом Куняевым, Анатолием Пантелеевым, Николаем Рачковым — всех в короткой статье и не перечислишь. Одних иркутян далеко за десяток: Альберт Гурулев, Глеб Пакулов, Константин Житов, Владимир Скиф, ранее Вячеслав Шугаев, Геннадий Николаев, Станислав Китайский, Геннадий Машкин. Питерцы многие. Он был в дружбе честен и благодарен.

С другой же стороны, с Распутиным многие литераторы хотели дружить, даже весьма далекие от почвенничества. С ним одно время заигрывал Юрий Трифонов, постоянно приглашал к себе домой. Андрей Битов и Лев Копелев искали его компании. Это потом уже все как-то разладилось, распозлось по разным углам. Впрочем, не только мировоззрение и политика стали тому причиной, случалась и зависть. Тот же Трифонов с принужденным смешком сетовал: «Как ни приедешь за рубеж, все вопросы журналистов о тебе, Валя, что ж такое?!»

Его особенно любили читать в Японии, Болгарии, Китае, Финляндии. В Поднебесной, кстати, до сих

пор активно переиздают. На Западе же мода на таинственную русскую душу прошла — там слишком далеко ушли по дороге в бездну.

СВОЙ: *Какие писательские и человеческие черты Распутина Вам памятли?*

Крупин: Великое терпение несправедливых оценок. Переживание не напоказ. Например, помню, он говорит: «Сказал в интервью добрые слова о Фолкнере, тут же критики: так вот откуда у Распутина эти усложненные фразы. Видишь как — не может русский писатель у своих учиться, надо его на выучку в Америку. Они так видят, а я — так, что поделат!» Сетовал, помню: «Я давно хотел вырастить на себе слоновью кожу, но не получается».

Был деликатен в общении, стеснителен. В последнее десятилетие много болел, лечился. «В Москве так лечат, в Иркутске так. А я в этом что понимаю?» Даже стеснялся своих болячек. После гибели дочери в 2006-м, а потом и жены сильно сдал.

Что касается болтовни о его выпивках, то присягаю — это было давно и неправда. Но к страдающим от известной утренней болезни относился участливо. Как-то на одном из выездных писательских форумов во время антиалкогольной кампании собраты по перу сидели за столом и явно мучились без «лекарства». «Валя! Спаси!» — возгласили Евгений Носов и Семен Шуртаков. Валя молча вышел, а через пять минут принес и поставил на стол бутылку боржома. На него все

воззрились: издеваешься? А он только кивнул, улыбаясь: оно, оно — «лекарство». Где-то в недрах заведения ему по большому благу налили водки в невинную емкость.

У него вообще было тотальное обаяние. В библиотеке ему доставали из глубочайших закромов самую редкую книгу, даже и не зная порой, кто он есть. А еще у него был редчайший дар — умел молчать, делать паузы, вслушиваться в душу собеседника. Взгляд у него был спокойный, одобряющий, но это был рентген.

СВОЙ: *Станут ли читать Распутина новые российские поколения? Кто-то полагает, что нынешнее время слишком далеко ушло от распутинского языка, от реалий, что он описывает.*

Крупин: Его будут читать до тех пор, пока есть Русский мир. Пока есть Россия, время не может от него уйти. Потомки могут позабыть, что такое чересдельники, хомуты и ухваты, но правда и красота как составные народной души никуда не денутся. В творчестве Распутина — вечный русский мелос, неспешное, все отражающее и преображающее течение, как в церковном знаменном распеве, как в симфониях Георгия Свиридова, Валерия Гаврилина, с которыми он дружил и которые очень высоко его ценили. Так что неизбежны и второе, и третье рождение писателя Распутина. Миру неоткуда ждать спасения, только от веры православной и от России. А наиболее выразил эту мысль именно Валентин Григорьевич.

Творческий вечер В. Распутина в Иркутске. 1988

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ШУСТОВ/РИА НОВОСТИ

Пигмалион и его Мариучча

Творчество Ореста Кипренского, родившегося 24 марта 1782 года, — своеобразный мостик между ранней русской живописью блистательных Боровиковского и Левицкого и сочным «итальянским» гением самого знаменитого из Брюлловых. Ценители изящных искусств той эпохи утверждали, что краски Кипренского действуют как рейнвейн. Их мягкий колорит очаровывает, пьянит зрителей. Но еще больше восхищает умение проникнуть в душу изображенного человека, в особенности — женщины.

«КАЛМЫЧКА БАЯУСТА», 1812—1813

«ПОРТРЕТ Н.В. КОЧУБЕЙ», 1813

Анна Александрова

НЕЖНЫЙ фронт, как в шутку называли его современники, был одним из первых русских мастеров, сумевших добиться признания в Европе. И прежде всего — в капризном, чрезвычайно разборчивом Риме. Отечественная живопись тогда переживала этап становления. Орест Адамович, подобно предшественникам, стремился не только освоить арсенал приемов западных классиков, но и найти в искусстве специфически свое, национальное.

Представления о собственной принадлежности к европейской цивилизации и в то же время о некоторой инаковости разделяли многие. Это стало особенно очевидным после войны 1812 года. Вот и штудии Кипренского с его эффектными женскими образами искусно отображают как отчетливо западные, так и безошибочно узнаваемые русские типажи.

Кто героини его картин? Художник, не принадлежавший к аристократическим кругам, рисовал в основном дам из высшего света. Сам же являлся незаконнорожденным сыном помещика, отданным на воспитание в семью крепостного.

Талант мальчика раскрылся рано — Ореста отравили в училище при Петербургской академии художеств, когда ему было шесть лет от роду. Слава также пришла довольно быстро. Среди первых удач-

ных работ «Портрет графини Е.П. Ростопчиной» (1809) — парный к изображению ее супруга Федора Васильевича. Будущий московский генерал-губернатор, литератор и коллекционер, показан как человек деятельный, энергичный. Совсем иное впечатление производит вторая половина. На ней — простое коричневое домашнее платье и кружевной чепец. Графиня глядит куда-то вдаль — кротко, смиренно и несколько тревожно. Годы спустя Екатерина Петровна переживет серьезный личный кризис, семейную драму. И даже перейдет в католичество.

Еще одна жемчужина — портрет Натальи Кочубей (1813). Барышне 12 лет, и живописец с присущей ему чуткостью фиксирует начало пробуждения женственности. Значительно позднее Наталья Викторовна станет музой солнца русской поэзии. Именно она вдохновит Пушкина на создание таких произведений, как «Полтава» и «Бахчисарайский фонтан». Влюбленный поэт спишет с нее образ Татьяны для «Евгения Онегина».

Кипренский изображает не только subtilных аристократок. Охотно рисует, например, представительниц малых народов Российской империи. Хорошо известна в наши дни работа «Калмычка Баяуста» (1813).

«ПОРТРЕТ Е.А. ТЕЛШЕВОЙ», 1828

«ДЕВОЧКА В МАКОВОМ ВЕНКЕ С ГВОЗДИКОЙ В РУКЕ», 1819

В 1816 году он впервые едет в Рим надолго. На картинах появляются южные типажи — жгучие итальянки, не менее экспрессивные цыганки. В 1819-м выполняет карандашом «Портрет С.С. Щербатовой»: модель на секунду отложила книгу, во взгляде — легкая ирония.

Кипренский заслуженно считается мастером передачи душевных состояний. К их отражению в некоторых полотнах добавлены жанровые мотивы — «безрассудный Орест» был не прочь поэкспериментировать. В этом смысле особенно интересно показана танцовщица Екатерина Телешева в роли Зелии из балета «Приключения на охоте» (1828): девица кокетливо и проницательно смотрит на зрителя, держа в руке стройный колосок пшеницы. Балерина из обедневшего дворянского рода — муза еще одного нашего выдающегося литератора, Александра Грибоедова. Но предпочтение отдает иному кавалеру, генерал-губернатору Санкт-Петербурга Михаилу Милорадовичу. Позировали Оресту Адамовичу и другие артистки, скажем, сестры Семеновы — Екатерина и Нимфодора.

Позднего Кипренского порой упрекали в излишнем стремлении к приукрашиванию: он-де сильно идеализировал лица, не стеснялся чересчур гладкого, выхолощенного письма. Правда же в том, что художник не бежал от мирских радостей, желал, как и многие, славы, успеха и, конечно, в известной степени ориентировался на вкусы и запросы публики. Один из его товарищей как-то язвительно заметил: «Был

он среднего роста, довольно строен и пригож, но еще более любил делать себя красивым». Как бы там ни было, в зрелые годы мэтр выполнил нежнейший портрет Олимпиады Рюминой, где любование внешним совершенством вовсе не мешает проникновению в психологию героини (1826). Еще один шедевр тех лет — почти ренессансное изображение А.О. Смирновой-Россет (ок. 1830).

Отдельного внимания заслуживает светловолосая «Девочка в маковом венке с гвоздикой в руке» (1819). Во время работы над этой картиной случилась трагедия: мать ребенка, итальянская натурщица, погибла, причем ужасной смертью — кто-то завернул ее в холст и поджег. Через несколько дней от неизвестной болезни умер слуга Кипренского. И хотя живописец считал виновным в гибели итальянки своего бывшего работника, тамошнее общество ополчилось против русского синьора. Орест Адамович был вынужден покинуть Рим, а до отъезда устроил Мариуччу — так звали девочку-сиротку — в монастырский пансион, оставив приличную сумму на содержание. Он, понятное дело, и представить себе не мог, что в ходе своей второй попытки завоевать Вечный город потеряет голову при виде повзрослевшей Мариуччи, а уже через три месяца после их свадьбы умрет от воспаления легких.

Вдова отправит картины Кипренского в Россию, чтобы Родина долго помнила о своем талантливом сыне, стремившемся как можно лучше понять, а главное, показать волнующий и загадочный женский мир.

На семи холмах

Судьбы

ТАИНСТВЕННАЯ НИТЬ

Ольга Марьяновская

Далекое прошлое здесь словно оживает, отражаясь в предметах и аксессуарах представительниц российского среднего класса, блиставших на рубеже XIX–XX веков. Элегантные в большинстве своем вещи и вещицы рассказывают, как жили когда-то наши соотечественницы, чем увлекались, как воспитывали детей. Сегодня этот необычный музей, получивший трогательно-сентиментальное название «Дамское счастье», не имеет постоянной прописки. Но его сотрудники проводят серию тематических выставок в разных городах России. Одна из них — «Нить судьбы» — открылась 10 февраля в Музее истории «Лефортово» и будет работать до 28 ноября. О том, как появилось «Дамское счастье» и чем оно может привлечь взыскательных посетителей, рассказывают создатели музея, коллекционер Татьяна Макеева и ее муж Сергей.

КОЛЛЕКЦИЯ началась с вещей моей прабабушки, врача Марии Рунне-Федоренко. Она с детства хотела помогать людям, училась и получила в Женевском университете степень доктора медицины. Ее дипломная работа по трансплантологии оказалась тогда, в 1905-м, новым словом в медицинской науке. Затем Мария Александровна вернулась в Россию. Здесь ей пришлось снова сдавать все экзамены экстерном, защищать диплом лекаря, чтобы получить право практиковать на Родине. Она работала хирургом

С. и Т. Макеевы

в госпитале в Санкт-Петербурге, после — земским врачом в одном из сел Чувашии. В годы Первой мировой и Гражданской войн служила в санитарном поезде. В период Великой Отечественной организовала медпункт для советских граждан в оккупированном фашистами Новороссийске. Своего семнадцатилетнего внука, моего будущего отца, провожала на фронт такими словами: «Ты еще мальчик. Не рискуй жизнью из удали, берегись, но когда будет необходимо, отдай ее за родную страну». Сохранившиеся вещи, письма и фотографии прабабушки послужили своеобразным импульсом для моего увлечения. Я стала собирать эти свидетельства эпохи в России и за рубежом.

Женщина среднего класса, или, как иногда говорили, дама из общества, — широкое понятие. В XIX столетии строгие сословные границы постепенно разрушались, уже не только дворянки, но и купчихи, и разночинки следовали одной моде, единым традициям, этикету. Наносили визиты, посещали театры, ездили на балы. В моей коллекции есть редкие, необычные вещи, которых, возможно, нет в больших музеях, либо они погребены где-то в запасниках.

В. Чижова в ссылке. 1953

Вот, к примеру — что-то вроде трубочатого ошейника из бронзы, с мелкими дырочками, со штуцером и вентиляем. На первый взгляд непонятно, что такое, а это был переносной

душ, которым дама могла воспользоваться и на даче, и во время путешествия. В конце XIX — начале XX века возникла мода на водные процедуры, появился душ Шарко. Представительницы прекрасного пола убедились, что это гигиенично и к тому же успокаивает нервы. Или возьмем крючки разных размеров и форм — для затягивания корсета, застегивания крохотных пуговичек на перчатках, высоких ботинках. Особый раздел коллекции составляет, так сказать, интимный гардероб: панталоны, корсеты, чулки и подвязки, турнюры и кринолины — все эти приспособления делали любую женщину настоящей дамой. А вот перчатки, причем на каждый случай разные.

Интересно, что красавицы могли позволить себе смелое декольте, но при этом считалось неприличным показать обнаженную руку без перчатки. Если во время бала та лопалась по шву и буквально болталась на руке — дама все равно оставалась в ней вплоть до возвращения домой. К перчаткам прилагались специальные приспособления: «распялки» для просушивания и растягивания, крючочки для выворачивания наизнанку перчаточных пальчиков. Есть в коллекции несколько старинных купальников, каждый состоит из штанишек до колена и платица-матроски. Вдобавок надевали чулки, тапочки, шапочку-чепец и в таком виде плавали. Этот наряд считался смелым, даже эротичным. Женщины переедвались и заходили в воду из специальных домиков — купален.

Важная составляющая наших экспозиций — веера всех типов середины XVIII — начала XX века, выполненные из самых разных материалов, украшенные всеми

НА СЕМИ ХОЛМАХ

мыслимыми способами. Веер — не просто аксессуар в гардеробе дамы, он ее постоянный спутник, вечно в движении, то важно летает, то взволнованно трепещет, его то разворачивают, то складывают... На нескольких выставках я добавляла к веерам соответствующие предметы бала, театра, визита — наряды, украшения, бинокли. Веер много значил для дамы. Существовал его особый язык, помогавший хозяйке выразить собственное отношение к чему-либо и кому-либо, подавать тайные знаки, флиртовать. После Первой мировой жизнь резко изменилась, немало вещей навсегда ушло из обихода, в том числе веер.

Большое внимание уделялось в старину письменной культуре. В коллекции — реальные любовные письма начала XX столетия. Поскольку дамское счастье невозможно без мужчины, особый раздел посвящен ему — возлюбленному, жениху, супругу. Здесь трость, цилиндр, канотье, бритвенные принадлежности, ведь бритве в то время было целой наукой, наусники из тонкой сеточки, придававшие красивую форму усам, и кружка для них со специальной полочкой, предохраняющей от намокания. Есть также курительные принадлежности, воротнички и манжеты. Среди экспонатов с пояснительными этикетками часто помещаю «загадочные предметы», непонятные для современного зрителя, и предлагаю угадать их назначение. А через некоторое время рассказываю, что же это и где применялось. Один из таких предметов — изящная дамская прищепка на шнурке под названием «паж»: шнурок крепился к поясу, а прищепка прихватывала подол юбки и подбирала ее, чтобы та не запачкалась в сырую погоду. Обычно женщина делала это рукой, но как быть, если обе руки заняты, скажем, зонтом и сумочкой? В подобном случае «паж» незаменим. Без

него не обойтись, например, для подбирания длинного шлейфа по дороге на бал. В моем собрании имеется даже крохотный «паж» — для кукольного наряда.

Еще один большой раздел посвящен младенчеству и детству той эпохи: соска, погремушки, куклы, игрушки, настольные игры, учебные пособия, изображения чад и матерей, листы из модных журналов. Кстати, последние показывали не только актуальные фасоны, но и сцены быта. К примеру, девочку со стереоскопом, модным тогда «гаджетом», девушек, стреляющих в домашнем тире, детей, гуляющих с бонной или гувернанткой. Этот раздел выставки мне особенно дорог, поскольку помогает понять, как жили люди, такие, как моя прабабушка Мария Рунне. Детские игры в ту пору служили в основном

воспитательным и образовательным целям, учили познавать мир, общаться, тренировали усидчивость; они были весьма затейливы, выполнены замечательными художниками, отпечатаны в хорошем полиграфическом качестве. Многие создавались именно как развивающие и лишь потом становились собственно играми. Так, всем известные пазлы появились в Англии еще в конце XVIII века, чтобы облегчить изучение, запоминание географических карт, а впоследствии превратились в развлечение. Конечно же, и тогда дети любили подвижные занятия, немало времени проводили на свежем воздухе. В моей коллекции есть хорошо знакомые всем старинные прыгалки, мячики. А вот серсо и бильбоке вряд ли известны современным ребятам.

Взрослые тоже находили время для развлечений, правда, те были именно «взрослыми». Тут и

настольные игры «Путь к браку», «Жизненный круг», и — очень популярная — «Флирт цветов». Игры с названиями «гусек» и «лото» объединяли вечерами семьи, людей разных поколений: вместе садились за стол и сражались самозабвенно, спорили, даже ссорились. Взрослые становились детьми, а дети не боялись возражать старшим. Имеются у нас и редкие устройства: заводные игрушки, механические бильярды, оптические забавы, скажем, волшебный фонарь-стереоскоп.

Выставка «Нить судьбы», развернутая в Музее истории «Лефортово», тесно связана с прошлым моей семьи. В целом она посвящена искусству художественной вышивки. В первом зале выставлены работы моей бабушки Валентины Чижовой, женщины трудной судьбы, безвинно осужденной, прошедшей ГУЛАГ, ссылку, через все невзгоды пронесшей любовь к вышиванию. Благодаря своему мастерству она выжила, заслужила всеобщее уважение и сочувствие. Была своеобразной мастерицей, вышивала не по правилам, смешивала разные нити, не пользовалась пяльцами. Особое место среди ее работ занимают вышитые картины — копии произведений Виктора Васнецова, Михаила Нестерова и других художников. Валентина Петровна работала до глубокой старости, у нее хватало заказчиков. Однажды попросили вышить на рубашке скачущих коней, заказчица объяснила, что хочет подарить ее Владимиру Высоцкому.

Экспозиция второго зала рассказывает об истории вышивки с конца XVIII до

середины XX века. Женщины с глубокой древности занимались рукоделием, многие и сегодня вышивают — чрезвычайно охотно, увлеченно. В этой части выставки представлены все виды вышивания: крестом, гладью, шерстью, бисером, ажурная вышивка «ришелье». Тут и целый арсенал вышивальщицы: старинные пяльцы, ножницы с портретами Николая II и императрицы Александры Федоровны, наперстки, наборы игл, альбомы образцов и шаблоны. Нередко мастерицы сами придумывали узоры, орнаменты, рисовали их на тканях, а затем вышивали. В витринах выставлены украшенные таким образом одежда, белье, сумочки, веера, скатерти.

Другая наша выставка «Девочка, барышня, дама» уже кое-где побывала, в марте она откроется в Иваново. Ее экспонаты рассказывают о том, как девочка сто лет назад становилась гимназисткой, затем барышней, потом невестой, наконец, женой и матерью. Многие вещицы удивят посетительниц — например, крохотный корсетик. Да, девочку в некоторых семьях с малых лет приучали носить корсет. А дневники гимназисток служили не только для проставления отметок и записи задания — на последних страницах печатали

полезные советы, что можно делать и чего нельзя: допустим, нехорошо обижать новеньких, только что пришедших в класс; нельзя собираться в общества и делать что-либо тайно. Барышня — это уже новый круг интересов, иные мечты, стремления. В коллекции хранится альбом девицы Ольги из Свиблово, начатый в 1896 году. Юный воздыхатель по фамилии Гриднев вписал в этот альбом такие стихи, ей посвященные:

*Зачем вам красота,
когда вы так умны?
Зачем вам ум,
когда вы так прекрасны?
И красота и ум
природой вам даны.
Так для чьего ж вы сердца
не опасны?*

И конечно, бóльшая часть экспозиции — это мир взрослой дамы с массой милых пустяков, туалетами, украшенными вышивкой и кружевом, перчатками, шляпками и сумочками. Ведь женщина, ведущая светский образ жизни, переодевалась до семи раз в день. Однако неверно было бы видеть в ней существо легкомысленное, пренебрегающее исключительно собой. Предметы быта и домашнего обихода представляют ее как заботливую хозяйку дома, а ноты, музыкальные инструменты, грампластинки, рисунки, книги и многое другое отражают широкий круг интересов.

Изучение истории своего рода, по-моему, так же важно, как осмысливание летописи страны. Думаю, что наши выставки — это возможность рассказать о традиционной семье, предназначении женщины, о том, как оно понималось сто лет назад, и насколько все это повлияло на нас, людей XXI века.

Русский след

Говорит и показывает Сенкевич

Ведущий «Клуба путешественников» Ю. Сенкевич. 1988

ФОТО: ПТИЦЫН/РИА НОВОСТИ

Андрей Самохин

Лицо эпохи — это о нем. Причем имеется в виду не только время расцвета советского ТВ, но и сам исторический этап, на котором известный телеведущий был знаковым персонажем, автором, путешественником, врачом, ученым. В его передаче океаны сходились с горами, историки — с космонавтами и поэтами. Он десятки лет показывал соотечественникам как многообразие мировой ойкумены, так и красоты родной земли, из них, кстати сказать, больше всего любил камчатские. Нередко подчеркивал: «Мы не знаем своей страны». Несмотря на обилие клонов, никому пока не удалось даже приблизиться к популярности «Клуба путешественников».

АТЛАС созвездий, роза ветров, земной шар, разрезанный надвое кинолентой, колокольчики музыкального вступления — вслед за знакомой заставкой каждое воскресное утро на экранах миллионов советских телевизоров появляется улыбочивый, лобастый человек с профессиональным дикторским баритоном, правильной, интеллигентной речью. И вот уже качается на волнах плетеная лодка «Тигрис», охотятся в джунглях индейцы Амазонки, советские полярники рассказывают об очередной зимовке...

Про его передачу пародист Александр Иванов сочинил язвительную эпиграмму: «Свидания с ним интересны всегда — весь мир перед нами прошествует! /К тому же у нас разделенье труда: мы смотрим, а он — путешествует». Кто знал кухню «Останкино», мог бы на это возразить: до конца 80-х Юрий Сенкевич путешествовал в основном по Союзу, а сочные заграничные кадры привозили ему в загашнике операторы, снимавшие «за бугром» материалы для политических программ вроде «Международной панорамы».

Из Антарктиды в Атлантику

В 1966–1967 годах Сенкевич стал участником 12-й антарктической экспедиции на станцию «Восток». Там в качестве медика-биолога изучал самочувствие человека в экстремальных условиях, лечил полярников как врач, вел дневник для журнала «Дружба народов». А с 1969-го по 1978-й ему довелось быть единственным представителем Страны Советов в трех уникальных путешествиях Тура Хейердала — на папирусном судне «Ра» через Атлантику и камышовой лодке «Тигрис». Позже, в начале 80-х, Юрий Александрович поучаствовал в подготовке и начале восхождения первой нашей экспедиции на Эверест.

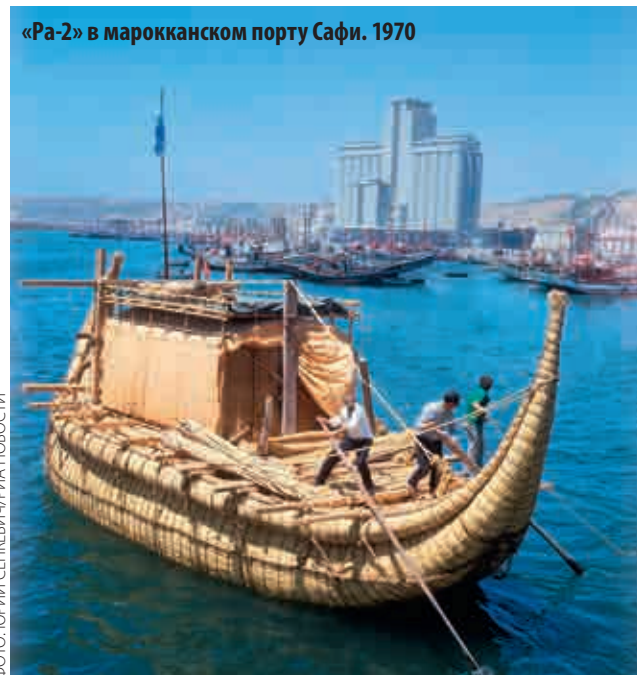
В его памяти бережно хранились воспоминания детства, проведенного в Монголии, где трудились родители, военврачи, служба в армии, учеба в Военно-медицинской академии, работа в Институте авиационной и космической медицины Минобороны СССР. Молодой научный сотрудник изучал проблему гипокинезии (двигательного голода) в условиях длительной невесомости. Исследуя подопытных собак,

засылаемых в околоземное пространство, Юрий и сам готовился стать космонавтом. Но судьба распорядилась иначе. Умер Сергей Королев, и программу полета на орбиту медиков свернули.

Как он, никому не известный поначалу врач, ученый, полярник, оказался в составе международной экспедиции Хейердала? На эту тему существует много спекуляций. Одна из версий как бы указывает на то, что порекомендовал его лично Хрущев. На самом деле все было проще. Первый секретарь ЦК, будучи на приеме в Норвегии, спросил в шутку присутствовавшего там знаменитого иностранца, не возьмет ли он его с собой в путешествие. Тур отшутился аналогично: возьмет, если руководитель СССР захватит бочку черной икры. Бочонок зернистой норвежец от Хрущева получил, а при этом подумал, что и впрямь было бы неплохо включить в интернациональную команду кого-нибудь из русских. Например, врача со знанием английского, экспедиционным опытом и неплохо развитым чувством юмора. Такой запрос от Хейердала поступил президенту АН СССР Мстиславу Келдышу, а затем попал в 3-е Управление Минздрава. Соответствовавший всем условиям Юрий Сенкевич совершенно случайно оказался в нужное время в нужном месте и был рекомендован.

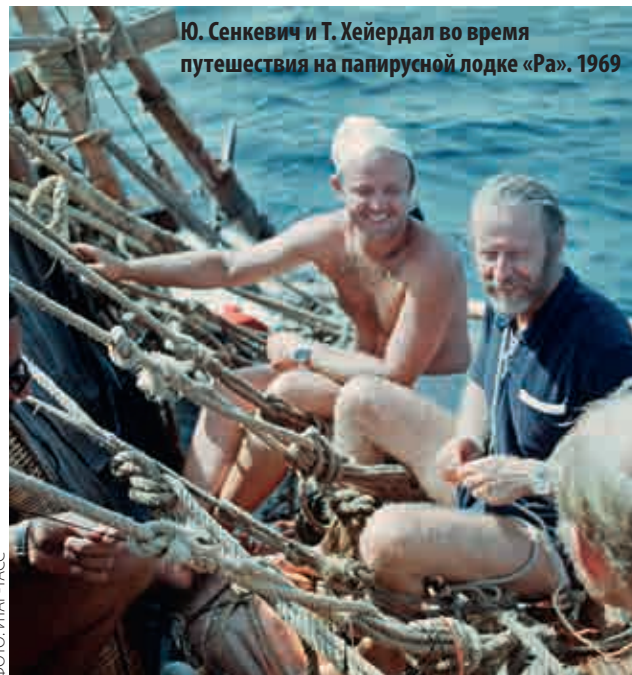
На встречу с именитым норвежцем он отправился с канистрой спирта в руках. Прогдегустировал в дороге — по полярной привычке и для куражу. Приехавший за ним в аэропорт Тур слегка опешил, увидев веселого русского с запасом огненной воды: что это, мол, зачем? Сенкевич не растерялся: «Ну, я же врач! Анти-септик, анестезия — мало ли что!»

Плаванья в команде Хейердала, про которые он потом рассказывал в эфире «Клуба кинопутешествий»

«Ра-2» в марокканском порту Сафи. 1970

ФОТО: ЮРИЙ СЕНКЕВИЧ/РИА НОВОСТИ

Ю. Сенкевич и Т. Хейердал во время путешествия на папирусной лодке «Ра». 1969

ФОТО: ИТАР-ТАСС

(так поначалу называлась программа, которую вел Владимир Шнейдеров), были полны не только искрометного юмора, но и неподдельного драматизма.

В первой экспедиции едва избежали трагедии. Старт «Ра» состоялся 25 мая 1969 года. На борту было семь человек и обезьянка Сафи. Папирус продержался в воде лишь около двух месяцев, потом, посреди океана, лодка начала разваливаться на части. Вот записи из дневника Юрия Сенкевича. «29 июня. Не вызывает сомнений, что мы погружаемся больше и больше, хотя и медленно...» «9 июля. Справа рвутся веревки, связывающие папирус. Весь правый борт ходит ходуном и грозит оторваться от нас». 14 июля.<...> Чемодан с медикаментами весь в воде. Где-то мне предстоит спать сегодня?»

Слава Богу, уже через два дня бедствовавших путешественников подобрала частная американская яхта...

Спустя год модернизированной «Ра-2» удалось доплыть до Барбадоса, подтвердив тем самым гипотезу Хейердала о возможности древних трансатлантических рейсов. На лодке намеренно собрали чуть ли не всех тогдашних антиподов: миллиардера и коммуниста, араба и еврея, белых и черного, христиан, мусульман и атеистов. Оказалось, что они могут не только ладить между собой, но и крепко дружить.

Кумир поколений

Здоровый, стройный, всегда готовый профессионально помочь, отстоять внеочередную вахту, остроумно пошутить, советский врач стал душой команды и близким другом норвежского ученого. Тур говорил о нем: «Я не знаю: то ли это мой младший брат, то ли старший сын». Примерно таким же Юрий Александрович предстал и перед советскими телезрителями. Письма с пометкой «Юрию Сенкевичу» шли в «Останкино»

С группой операторов ЦТ в альпинистском лагере «Памир». 1981

ФОТО: ФОТОАРХИВ ТАСС

тоннами, у подъезда его караулили влюбленные девушки, мечтавшие получить автограф. Книжками «Путешествие длиной в жизнь», «Их позвал горизонт», «На «Ра» через Атлантику» подростки 70-х зачитывались точно так же, как их автор в детстве «Робинзоном Крузо» и повестями Александра Грина.

Неудивительно, что через восемь лет, в 1977-м, Хейердал вновь позвал его в путь. На этот раз — на камышовом судне «Тигрис», через Индийский океан, вдоль африканского побережья, чтобы доказать возможность морского переноса древними шумерами своей цивилизации. Среди серьезных проблем затесался тогда крайне неприятный казус: власти Омана долго не разрешали судну причалить для пополнения запасов провизии. Выяснилось, что причиной был советский участник: дескать, никогда еще коммунист не сходил на здешний берег без наручников. Сенкевич предложил оставить его одного в шлюпке, а «Тигрису» зайти в порт Маскат. Но Тур решительно отказался, пригрозив по рации разнести всюду весть о негостеприимстве султана. В итоге, после

длительных переговоров, на берег сошли все участники экспедиции.

Сегодня в нашей программе

«Клуб кинопутешествий» рассказал, наверное, обо всех значимых отечественных экспедициях прошлого и настоящего. Такие знаковые свершения, как восхождение советских альпинистов на Эверест, лыжная экспедиция «Комсомольской правды» на Северный полюс во главе с Дмитрием Шпаро в 1979-м, и многие другие становились известными всей стране. Вплоть до развала СССР Юрий Александрович продолжал совмещать работу на телевидении и научную деятельность в ИМБП, где до 1982 года был заведомом научно-медицинской информации.

В НИИ кардиологии. 1977

ФОТО: ПЕТР НОСОВ/ТАСС

Порой у него в передаче появлялись неожиданные гости: космонавты, поэты, барды. Парадоксально, но именно здесь впервые «засветился» на телеэкране выдающийся православный филолог, историк и богослов Сергей Аверинцев.

Все, кто имел дело с Сенкевичем, говорили о его потрясающей памяти. Гримируясь, он проглядывал набросок текста, а затем воспроизводил его практически дословно. А ведь эфиры в 1970-е были прямыми!

Его постоянно звали на устные киножурналы, выступать со сцены в разных городах и весях Союза. Съёмочную группу «КП» принимали на местах как гостей из ЦК.

В отличие от зарубежных стран, которые он вопреки расхожему мнению увидел, как и большинство сограждан, уже после перестройки, наше Отечество Сенкевич изъездил вдоль и поперек. В 90-е, снимая документальный фильм «Православная Абхазия», Юрий Александрович неожиданно сталкивается... со своим детством. Когда еще подростком отдыхал вместе с матерью в военном санатории Сухуми, обнаружил как-то раз торчащую из песка каменную штукатурку с непонятной надписью. По совету знакомых летчиков обратился к местным археологам, а те с изумлением и восторгом извлекли на свет ценнейшую античную мраморную стелу V века до нашей эры, позже ее поместили в Абхазский государственный музей. И вот полвека спустя директор этого музея торжественно излагает приезжей телезвезде легенду про маленького русского мальчика, который, роясь на пляже...

Телевизионный атлас России

Вдова телеведущего Ксения Николаевна в одном из интервью рассказывала: «Конец советской истории оказался для Юры ужасным ударом. Рухнуло все — работа в институте, на телевидении, исследования космоса, казалось, вся жизнь прошла напрасно. Все еще работали по инерции, но это никому не было нужно».

Он оказался не готов к эпохе большого хапка, когда ушлые коллеги на скорость приватизировали бывшие государственные камеры и монтажные, наспех соорудили «акционерки». Благодаря прошлым связям и непродолжительной работе депутатом Моссовета (от

которой Сенкевич, мягко говоря, был далеко не в восторге) «Клуб» все же удалось восстановить, но это была уже совсем не та передача. Многие недавние зрители сами ринулись в путешествия, а наука, культура и прочие подобные вещи новых хозяев жизни волновали мало.

Интересно, что именно в это время Сенкевич затеял грандиозный и уникальный проект «Телевизионный атлас России». Снимали в провинциальных городках и деревушках, оглушенных или вовсе уничтоженных реформами. «Получился убийственный материал, какой там Радищев, — вспоминает Ксения Николаевна. — Ценность его как видеодокумента этого периода будет очевидна лет через двадцать-тридцать.

Но в тот момент зрителям это было не нужно».

«Мы не знаем Россию, а для того, чтобы любить страну, надо ее знать», — говорил он. Уже в конце 90-х добавлял: «Мы остались фактически единственной программой, которая дает какой-то положительный образ современной России».

Его отменное прежде здоровье в конце века начало резко ухудшаться: два инфаркта, две операции на сердце. А за несколько месяцев до смерти — Сенкевич умер 25 сентября 2003-го на рабочем месте — произошла страшная авария в Танзании, когда съёмочный джип «КП» на пути к озеру Виктория сошел с дороги и трижды перевернулся через крышу. У Сенкевича оказались сломаны шесть ребер. В том году «Клубу путешественников» исполнилось 43, и программу вписали в Книгу рекордов Гиннеса как самый долгий телевизионный проект, вместе с фамилией неизменного — на протяжении трех десятилетий — ведущего.

Кавалер множества орденов и званий, кандидат наук, полковник медицинской службы в отставке, по-смертно он стал именем Московского государственного института индустрии туризма, а также океанского танкера и самолета. А в нашей памяти остался тем бодрым, стройным героем, позирующим в одних плавках на борту утлого папирусного суденышка. Тем, кто бросил вместе с другими смельчаками вызов Океану, объяснил и показал согражданам, что есть великий и прекрасный, опасный и веселый ветер странствий. Ведь любимый афоризм Юрия Сенкевича *Via est vita*: дорога — это жизнь.

С участниками группы «Новые аргонавты» в Сванетии. 1984

ФОТО: САМО МИР И КАДЕТАСС

Стоп-кадр

Танцевать, теща! Танцевать!

Николай Ирин

Второго марта исполняется 70 лет со дня рождения Юрия Богатырева. Слава его с годами как будто не померкла. Актера помнят, ценят, им восхищаются, благо полтора-два десятка выдающихся кинокартин, в которых он блистал, до сих пор находятся в активном культурном обороте. Вызывает досаду то обстоятельство, что публичные пересуды о личной жизни Юрия Георгиевича порой как бы затмевают художественные достижения. А ведь он не экзотический цветок, но артист нового типа, и именно с этим необходимо, наконец, разобраться.

ПОЧЕМУ, например, в «Родне» производит неизгладимое впечатление та сцена в ресторане, где Тасик в исполнении Богатырева дает решающее сражение теще? Актер работает здесь корпусом так же эффективно, как и лицевыми мышцами. Ранее, в эпизоде, в котором «вторая мама» обидела Тасика, фактически послав в нокаунт, Богатырев действовал в иной пластической манере: руки были закрепошены, методично собирали по всей квартире вещи, необходимые покидающему семью и дом зятю. Он прижимал предметы быта к телу, закрепощая не только передние конечности, но и психику. Совсем иное — сцена в кабаке. Поначалу Станислав Павлович усугубляет прежнюю линию поведе-

ния, в отчаянии нависая над тарелкой. Однако вскоре принимает вызов и преобразуется. Движения внезапно и, кажется, немотивированно становятся размашистыми, амплитудными. Теперь Тасик спешит занять как можно больше места в окружающем пространстве.

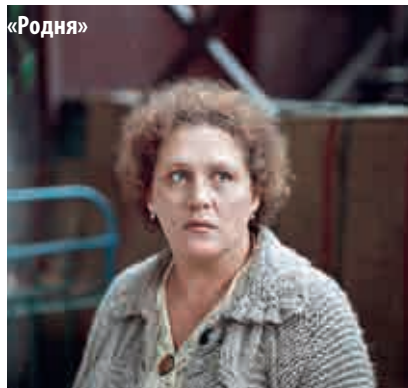
Никита Михалков, шутя, называл громадные руки Богатырева «верхними ногами». И вот эти верхние ноги словно начинают извиваться или даже каяться — за то, что совсем недавно нечто хапали и удерживали. Видим, как сильный, но затюканный мужчина внутренне освобождается.

Махи ногами и руками, р-резкие движения корпусом... Грузный парняга демонстрирует предельно сильный танец, подавляя героиню Нонны Мордюковой с ее усредненно-мещанскими танцевальными телодвижениями.

Роль Станислава Павловича подробно — и, судя по всему, специально — не прописана. Богатырев создает огромный внутренний объем за счет, казалось бы, внешних приемчиков. Специфика его артистизма как раз и заключается в неразличимости внутреннего и внешнего, в нераздельности пластики и того, что именуют «характером».

Если понаблюдать за тем, как он движется, говорит, управляет лицевой мимикой, то становится очевидной его полная погруженность в текущий момент. Видится актер, который не накапливает эмоции и характеристики, не отягощает психику и телесность особенностями прошлого.

Есть такая практика у йогов и буддистов: результаты внешних психических воздействий не застревают в области сердечной чакры, не нагружают человека ни обидами, ни радостями. Возникает ощущение того, что Юрий Богатырев живет и работает примерно в таком ключе — бытийный и событийный поток, омывая, проходит сквозь него.

Его энергия — это мощь спокойной силы, надежности и добра. Он умел распределять себя в предложенном ролевом пространстве, интуитивно понимал, когда надо выстрелить, а когда — притормозить, осуществив завидную, исполненную артистического блеска паузу

Именно поэтому в теле и головном аппарате актера фактически нет блоков. Он умеет соинтонировать моменту, а всякий его персонаж производит впечатление внутренне свежего и непредсказуемого человека. Впрочем, нет, пожалуй, не каждый, но об этом ниже...

Михалков, открывший Богатырева для большого кино — сначала в дипломной картине «Спокойный день в конце войны», а затем в своем незабываемом полнометражном дебюте «Свой среди чужих...», — был сориентирован на новаторские драматургические конструкции, где первостепенное значение имела ансамблевость. Персонажи не обладали четко объясненными характерами, скорее, все они являли собой части единого общественного организма.

Поэтому режиссеру требовались артисты, которые не выдают все черты героев сразу и всерьез, а доигрывают в режиме реального времени друг за друга. Каждый выступает по отношению к партнеру одновременно как индикатор, обертон, антитеза, альтернатива... И в качестве двойника.

В Богатыреве обнаружился как раз идеальный мастер подобного стиля: большое пластичное тело без, повторимся, блоков и зажимов, стертое, нейтральное лицо, моментально преобразующееся, едва герой начинает петь в унисон со своим временем. Вспомним для примера эпизод из «Обломова», где персонаж Олега Табакова внезапно решается на ночной обед. Штольц, которого изобретательно играет Богатырев, врывается в сумеречную комнату, широко расставляя руки, точно хищная птица. Стыдит, осуждает, воспитывает. Но уютный характер обломовских посиделок, редкостная безобидность поведения хозяина побуждают Штольца стремительно поменять манеру с интонацией. Здесь фирменная богатыревская работа: шва между назойливой агрессивностью и добродушным сочувствием обломовской трапезы нет вовсе, переход тонкий, нежный, предельно человеческий. Штольц для создателя ленты — скорее идейный оппонент, однако не враг. Его психический мир столь же утонченный, что и у Обломова. Богатырев меняет поведенческий регистр, приводя настроение сво-

его персонажа в точное соответствие с удивительной, завораживающей визуальной атмосферой, которую обеспечили оператор Павел Лебешев и художники. И так на протяжении всего фильма: артист, подобно хамелеону, встраивается и внешностью, и звучанием в картинку, кадр, интерьер, пейзаж, цветовую гамму.

Здесь необходимо вспомнить о том, что до Щукинского театрального Юрий Георгиевич несколько лет отучился в Художественно-промышленном училище имени М.И. Калинина на коврово-ткацком отделении, потрясая рисовал всю свою сознательную жизнь. Его графические работы, акварели, шаржи выдают натуру наблюдательную, при этом способную строить убедительный образ самыми скупыми средствами, склонную одновременно к гротеску и аскетизму.

Будучи по природе художником, портретистом, он легко схватывает базовые черты партнера по сцене или съемочной площадке. Дальше включается в совместную игру, цепко и в то же время нежно взаимодействуя, угадывая глубинное и находя этой психологической глубине яркие внешние эквиваленты.

Вот что такое актер нового типа, одним из немногочисленных и наи-

«Мертвые души». 1984

«Два капитана». 1976

более выдающихся представителей которого стал в нашем киноискусстве Юрий Богатырев.

В ситуациях, когда нужно было изображать персонажей внутренне завершенных, не предполагающих свободы трактовки, он становился превосходным техником, безупречным жанровиком — и только. Посмотрите на Манилова в «Мертвых душах» от Михаила Швейцера. Богатырев и тут знает меру, не скатывается

«Неоконченная пьеса для механического пианино». 1977

в кривлянье, манерность, и тем не менее чудесного преображения человеческой природы не происходит.

Он всего лишь отработывает номер: тело не включается вовсе, лицо порой преображается не по делу. Кажется, что у актера иногда вспыхивает потаенное желание — переменить персонажу участь, внезапно наругать Чичикову, послать того подальше... Вот именно,

Богатырев — кладезь творческих возможностей, генератор человеческой свободы.

Его несколько раз задействовал в своих фильмах Виталий Мельников, тоже знающий цену настоящим дарованиям. Этот режиссер внимателен к реальности, любит ту неотвердевшую еще субстанцию, тот таинственный эфир, которым полнится текущая минута.

«Дон Сезар де Базан». 1989

На съемках «Нескольких дней из жизни И.И. Обломова»

Богатырев с его переменчивой психикой был для Мельникова подлинной находкой.

Несомненной удачей стала и вроде бы одномерная роль негодяя Ромашова в многосерийной экранизации романа Вениамина Каверина «Два капитана» режиссера Евгения Карелова. В интернет-сети случайно подвернулся такой диалог восторженных почитателей:

«Богатырев просто гениален!!!» — «Согласна. Я для себя лично открыла Богатырева именно с этой его работы. Играть отрицательного героя намного сложнее. Просто потрясающий подлец!»

В ленте задействовано актерское созвездие, но наибольшее внимание обыкновенно привлекает именно Ромашка — исполнителю удалось выйти за пределы жанровой одномерности. Фильм, безусловно, хорош, однако при появлении Богатырева кажется, что его персонаж — отдельно от картины, что он залетел сюда из какого-то иного, куда более изощренного и

неочевидного в морально-этическом отношении сюжета.

Артист своего Ромашова не демонизирует. Ромашка таков, что возникает странная мысль: ничего с ним еще не решено. Снова нет жестких характеристик, опять актер как бы оставляет герою шанс понять себя в меняющихся жизненных обстоятельствах, обрести возможность морального и духовного развития.

Удивительное дело: Богатырев словно предлагает что-то большее, чем каверинский сюжет, нечто, может быть, Достоевское по замаху и внутренней задаче.

В судьбе Юрия Георгиевича есть не только кино, но и театральная сцена. Несколько лет он служил в «Современнике», потом во МХАТе.

Удивительны радиопостановки с его участием: густой, плотный, насыщенный голос буквально гипнотизирует, заставляет персонажа материализоваться перед нашим внутренним взором.

Регулярно выступал в детской телепередаче «Будильник» — то как чтец Михаила Зощенко, то как интерпретатор Агнии Барто. Да-да, работал с текстами поэтессы так ловко, аналитично, что обнаруживал в них и нетривиальную красоту, и психологическую глубину с достоверностью:

*Воды немало утекло
С тех пор, как я разбил стекло.*

*Нет, в жизни мне не повезло:
Однажды я разбил стекло.*

Гениально чувствовал слово. Потому каждая буква у него звенела и вибрировала. Чувство ритма, ощущение красоты, причастность культуре...

У него была обувь 49-го размера. Его энергия — это мощь спокойной силы, надежности и добра. Он умел распределять себя в предложенном ролевом пространстве, интуитивно понимал, когда надо выстрелить, а когда — притормозить, осуществив завидную, исполненную артистического блеска паузу.

Его всегда по-хорошему много. Неизменно видится внутренний резерв. При этом он крайне экономен в средствах выражения, точен. Великодушно разрешая Обломову ночной суп с мясом, Штольц ответственно предупреждает: «Ну, хорошо, только немного и в последний раз!» И с этим напутствием почему-то так легко согласиться.

Рано, слишком рано ушел из жизни. Но вспоминать о его ролях радостно. «Танцевать, теща! Танцевать!» — и захватывает территорию, располагается на просторах далеко не самого уютного советского ресторана, словно у себя дома.

Человек широкого жеста и тонкой внутренней организации, гений.

Забавы молодецкие

Р. Талаганов и Е. Тищенко на Олимпиаде-2016 в Бразилии

ФОТО: ВАЛЕРИЙ ШАРИФУЛЛИН/ТАСС

В созвездии Стрельца

Сергей Александров

Сразу за главными воротами обширного торпедовского спорткомплекса, который еще в 1950-е прописался на улице Восточной, а ныне выглядит как неплохо сохранившийся архитектурно-ландшафтный реликт, вас приветливо встретит бронзовый Стрелец на постаменте. Он, держа в руке старомодный мяч, словно сделает широкий шаг вам навстречу. Кто такой или, точнее, кем был Эдуард Стрельцов, истинным поклонникам футбола в России рассказывать не нужно. Они даже сочтут подобные пояснения оскорбительными. Это все равно как растолковывать бразильцу, чем знамениты Пеле с Гарринчей. Сегодня для преданных болельщиков «Торпедо» лучшая в мире игра — увы, скорее предмет печали, щемящей тоски по славному прошлому. Речь, однако, пойдет не о футболе...

Памятник Э. Стрельцову
у входа на стадион
«Торпедо»

ФОТО: ИГОРЬ УТКИН/ТАСС

ГОВОРЯТ, что свято место пусто не бывает. Вместо канувшего в Лету большого торпедовского футбола все громче заявляет о себе в наши дни торпедовский бокс, безусловно, один из сильнейших на постсоветском пространстве. Оговоримся, любительский — тот, который предполагает проведение трехраундовых поединков и традиционную с советских времен систему подготовки бойцов.

С наступлением нового года первая национальная сборная в расширенном составе отправилась на сборы в Сочи. Возглавил ее после Олимпиады в Рио заслуженный тренер России Олег Меньшиков, подготовивший за свою карьеру немало победителей общероссийских и международных первенств. В Рио-де-Жанейро Олег Владимирович выступал и в качестве секунданта наших сборников, и, что принципиально важно, как личный тренер Евгения Тищенко — того, кто привез из Бразилии единственную для нас в этом виде спорта золотую медаль.

По причине отъезда обоих на черноморское побережье застать их в зале бокса спорткомплекса имени Эдуарда Стрельцова было решительно невозможно. Но не беда. Не срослось в этот раз, получится в другой. Главное в нашем случае то, что они — торпедовцы.

Самым маленьким воспитанникам здешней боксерской школы повезло гораздо больше. Те общались и фотографировались с олимпийским чемпионом еще до новогодних праздников. Да что там щелкались — тренировались совместно! Вот им-то, 4–5–6-летним, и тем, кто немного постарше, есть смысл уделить особое внимание.

ФОТО: ВАЛЕРИЙ БУШУХИН/ТАСС

Для мальчишек бокс — не просто спорт, он помогает стать более упорным и настойчивым, научиться держать удар в прямом и переносном смысле слова. Бокс не является примитивной дракой, главное здесь ловкость, быстрый ум, хорошая реакция — как для защиты, так и для нападения. Регулярные тренировки в секции развивают в ребенке дисциплину, волевые качества, стремление к профессиональному росту и совершенствованию личности. Занятия в клубе «Торпедо» проводят опытные, квалифицированные тренеры, известные в мире бокса специалисты Олег Меньшиков, Борис Житенев, Александр Лукьянов, Иван и Анатолий Соломоновы, Владимир Носов.

По материалам интернет-сайта боксерского клуба «Торпедо»

Коллективное фото под условным названием «Тищенко среди малышей» рассматриваем с тренером «ясельной группы» Владимиром Носовым. Его подопечные только что шумной толпой ринулись после занятий в раздевалку и сейчас делятся с родителями свежими впечатлениями. На мой вопрос: «Почему не все они изобразили перед фотокамерой правильную боксерскую стойку?» — наставник терпеливо, в уже привычном, видимо, ключе отвечает:

— Правильной стойке — а равно уклонам, ныркам, хукам, джебам, кроссам и всему такому прочему — станем их учить на полном серьезе несколько позже. Мы не случайно назвали эту группу «ясельной». Практически во всех боксерских школах страны новичков набирают из ребят не младше девяти лет. Торпедовская в этом плане, конечно же, отличается от других. Зачем пошли на такой эксперимент? Дело в том, что в секции хоккея, гимнастики и некоторые иные детвора начинает ходить с 4–5 лет, и это считается нормальным. Как раз не нормально то, что ровесники, будущие боксеры, вынуждены ждать такой возможности долгие годы. Маленькие занимаются у нас общефизической подготовкой, игровыми упражнениями, бегают, прыгают, приседают, ходят гусиным шагом, толкаются... А главное, приобщаются к атмосфере спортзала, смотрят, как отрабатывают боевые приемы их старшие товарищи, в том числе мастера, знаменитые чемпионы. В памяти мальчишек все это откладывается навсегда. К тому же они получают альтернативу — самую здоровую из возможных — погружению с головой в интернет, сидению перед телевизором и остальным прелестям современного времяпрепровождения...

Этот бойцовский клуб выделяется среди себе подобных не одним «возрастным цензом». Если

брать, к примеру, столичные мерки, то самым привлекательным и даже уникальным здесь окажется такое свойство, как абсолютная бесплатность для детей и молодежи.

Стороннего наблюдателя, так или иначе причастного к миру спорта, возможно, удивит редкое по нынешним (как, впрочем, и прежним) временам обстоятельство: тут, в сугубо мужском коллективе, совершенно не слышна матерная речь. Тренер самых маленьких объясняет данную особенность тремя причинами: во-первых, у торпедовских боксеров сложилась традиция — не материться между собой в залах и раздевалках, во-вторых, их школа освящена по православному обычаю, что само по себе налагает известные ограничения, ну а в-третьих, «грязно ругаться в присутствии женщин и детей ни один нормально воспитанный человек не станет». Взятую в кавычки фразу изрек собеседник, а в том, что его слова искренни, сомневаться не приходится. Ведь он не только спортивный наставник — а в прошлом весьма успешный боец, мастер спорта международного класса, чемпион и призер турниров самого высокого ранга, — но и координатор, сооснователь православного движения «Сорок сороков», приобретшего в последние годы широкую известность. Представители этой организации выступают за здоровый образ жизни и традиционные русские ценности, за строительство храмов и запрет аборт в России. Не остаются безучастными и к судьбе борющегося за достойное будущее народа Донбасса.

— В политику принципиально не лезу. Но общественные дела с тренерской работой стараюсь совмещать, где возможно, — рассказывает Носов. — Периодически организуем, а затем проводим православно-спортивные

О. Меньшиков

ФОТО: М. БОГОВИД/РИА НОВОСТИ

праздники, куда по доброй воле приходят люди всех возрастов и статусов, включая лучших спортсменов мира. Христианские торжества отмечаем так, как это принято у православных. На Крещение, например, большая группа торпедовцев и на богослужении побывала, и в проруби искупалась. В числе наших постоянных мероприятий — помощь бездомным, детским домам, посещение исправительных колоний, поездки на места погребения русских героев. В середине января отправились на Николо-Архангельское кладбище, где похоронен одноклубник Сергей Цаплин, служивший в подразделении «Альфа», посмертно награжденный за выполнение поставленной задачи орденом Мужества. Его большой фотопортрет висит на стене нашего зала бокса. Смею надеяться, что именно на таких спортсмен и воинов, как Сергей, равняются

многие торпедовские воспитанники...

Что тут скажешь, клуб на территории спортивного комплекса имени Эдуарда Стрельцова собрал в одно время в одном месте просто-таки невероятную компанию. Здесь и единственный наш боксер-олимпийщик 2016 года, и старший тренер главной национальной команды, и ребяташки детсадовского возраста, занимающиеся в уникальной, совершенно бесплатной секции, и руководство с активом известнейшей патриотической организации... Замечательно-парадоксальный ассоциативный ряд, пожалуй, неплохо бы дополнила еще одна крайне любопытная, очень популярная в интернете фотография. На ней запечатлена сборная России образца весны 2004-го: в центре — Владимир Путин, он только что проголосовал на президентских выборах и приехал поздравить бойцов с удачным выступлением на чемпионате Европы; рядом с лидером страны — Александр Поветкин, Александр Малетин, Олег Саитов, торпедовец Мурат Храчев и другие тогдашние лидеры отечественного любительского бокса. В том числе — средневес Владимир Носов (второй справа, сидит). Наверное, этот снимок должен символизировать нечто очень важное, не так ли.

РИСУНОК: Д. ЛЕМКО

Испеки мне колобок

Максим Сырников

«В пирог все завернешь!» — говорили когда-то в России. Впрочем, где-то подобная притча звучит и в наши дни.

КАКИХ ТОЛЬКО определений не давали русские люди своим пирогам.

Вот как назывались те по способам защипа, выпечки и форме: глухой, решетчатый, щипаный, подовый; а еще — сгибень, загибень, треух, заворотень, пряженец, опарник, пресняк, квашенник, колоб...

Колоб, колобок, мог быть как с начинкой, так и без нее.

Пеклись и колобовые пироги — круглые, чуть приплюснутые. Формировались они просто, без затей.

Шар из дрожжевого теста не слишком тонко раскатывался в круг, внутрь укладывалась начинка, затем

края собирались вокруг нее и защипывались. Обычно начинался кашей, творогом или сыром.

В рецептах XIX века встречается и колобовый пирог с пастилой. Ведь последняя — идеальная заготовка на зиму, хранящая аромат летних и осенних плодов, ягод. При выпечке пирог слегка расплавляется, но тесто не становится «клеплым», пропекается полностью. Пастила должна быть натуральной — яблочной, грушевой, сливовой или ягодной, и постной — без яичных белков и желатина. Отметим, что мода на сезонное заготовление этого вида десерта в нашей стране уже практически возродилась.

Колобовый пирог

Тесто — самое простое, постное.

- ◆ 3 стакана муки
- ◆ 1 стакан теплой воды
- ◆ Треть стакана растительного масла
- ◆ Столовая ложка сахара
- ◆ Чайная (без верха) ложка соли
- ◆ 15 г прессованных «живых» дрожжей

Дрожжи, сахар и небольшая часть муки тщательно замешиваются в теплой воде.

После 30 минут брожения добавляются соль, масло и оставшаяся мука. Все тщательно вымешивается. После одной-двух обминок поднявшееся тесто можно раскатывать.

На это количество теста достаточно будет 250 граммов хорошей пастилы.

О. КИПРЕНСКИЙ. «НЕАПОЛИТАНСКАЯ ДЕВОЧКА С ПЛОДАМИ». 1831

Свое

МАРТ 2017

КУЛЬТУРА
Духовное пространство русской Барокко